

Человек за шкафом

Автор:

Олег Рой

Человек за шкафом

Олег Юрьевич Рой

Историей вещей антиквар Вилен Меркулов увлекся еще в юности. Ему было интересно узнавать о людях, знакомясь с их семейными реликвиями. Какой была жизнь, быт, судьба бывших владельцев антикварной вещицы. Ведь иногда она рассказывает о человеке больше, чем он сам о себе готов поведать. Древний предмет может оказаться носителем удивительной загадки. Однажды с Виленом произошла именно такая история – он неожиданно обнаружил... шкаф, который был свидетелем расцвета, упадка и возрождения большой семьи. Этот предмет мебели присутствовал в квартире, когда ее обитатели были счастливы, влюблены, переживали трудные времена. Истинная преданность своему делу, интерес к вещам с историей и к людям помогли Вилену узнать тайны, которые хранил старинный шкаф...

Олег Рой

Человек за шкафом

Памяти моего сына Женечки посвящается

© Резепкин О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Московские улицы умывались талой водой. Вдоль края тротуаров весело бежали ручьи, пробивая себе сквозь ледяные корки дорогу к ближайшей решетке водостока. Во дворах и по обочинам еще оставались кое-где сугробы рыхлого грязного снега, но солнце, с каждым днем все более теплое и веселое, ясно давало понять, что зима обречена. Быть может, в апреле природа еще раз-другой и выкинет фортель, нагонит холода, нахмурит небо, заметелит распускающиеся на деревьях почки – но уже не оставалось сомнений, что победа весны окончательна. Что, выйдя из офиса на перекур, из дома в магазин, из автомобиля к кассам автозаправки, люди смогут вдыхать полной грудью пронзительный, напоенный влагой и солнцем весенний воздух и до поздней осени не вспоминать, каким сочным и свежим был воздух морозный, как прекрасны были укрытые пушистым одеялом деревья и крыши и как искрились в свете вечерних фонарей медленно падающие снежинки.

Именно так думал Вилен Меркулов, когда его классический черный «Мерседес» съехал с моста у Белорусского вокзала и влился в поток автомобилей, мчащихся по Первой Тверской-Ямской в сторону центра. Сам Вилен, конечно, тоже был рад приходу весны, но в отличие от подавляющего большинства соотечественников он ничего не имел и против зимы, можно сказать, даже любил ее. Вероятно, потому, что жил в тихом коттеджном поселке у леса и озера, вдали от гололеда и грязной слякоти плохо убранных улиц и автомобильных дорог. Для Меркулова прелесть обитания в непосредственной близости с природой полностью компенсировала мелкие недостатки жизни за городом. Например, то, что дорога на каждую деловую встречу занимала минимум часа полтора, даже при самых благоприятных обстоятельствах, – и, разумеется, столько же обратно. Но Вилен считал, что это мелочи. Встречи бывали не каждый день, и назначать он их старался в удобное время, либо в выходные, либо днем, когда поток едущих на работу уже схлынет. Вот и сейчас он ехал к полудню «на адрес», как это называли его коллеги, – в квартиру возможных продавцов, живших в начале Тверской улицы. До нужного дома было уже рукой подать, и Меркулов не сомневался, что успеет вовремя – часы показывали только двадцать минут двенадцатого. Опаздывать он очень не любил, вне зависимости от того, куда направлялся и насколько важной была встреча. Тем более что в его профессии далеко не всегда можно было предугадать, насколько важна встреча и что она принесет. Меркулов занимался антикварным бизнесом, специализировался на старинной мебели – покупал ее повсюду, где мог найти, реставрировал (кое-что

и собственными руками) и продавал клиентам, число которых год от года росло. Мода на старину, начавшаяся еще в эпоху застоя, со временем не проходила, а только набирала обороты.

Историей вещей Вилен увлекся еще в юности – класса с пятого зачитывался романами о днях минувших, но интересовался не войнами и путешествиями, как многие мальчишки, а деталями и подробностями быта ушедших эпох. Ему всегда хотелось знать, как одевались люди в старину, как и какими вещами они пользовались, что ели и как это готовили, как работали и как отдыхали, о чем разговаривали, что чувствовали и как выражали свои чувства. После школы Вилен без особого труда поступил на исторический факультет педагогического института (тогда еще было не в обычае называть университетом каждый, даже самый заштатный, вуз) и, закончив его, быстро определился с выбором места работы. Ни педагогика, ни наука в чистом виде Вилену не привлекали, его интересовала история не написанная, история, которую хранили в себе вещи. Но в городских музеях вакансий не нашлось, и Меркулов устроился работать в Подмосковье, в одну из небольших красивых усадеб, которой после революции выпало редкое везение не превратиться в сельский клуб, приют или психиатрическую больницу, а стать музеем.

Вилену нравилась его работа. Нравилось по многу раз в день спускаться и подниматься по стесанным временем ступеням деревянной лестницы с причудливыми резными перилами, нравилось менять экспозицию, чтобы одновременно и сохранить дух былых времен, и внести что-то новое, нравилось водить по комнатам экскурсантов, увлекая и зачаровывая их своими рассказами, нравилось наблюдать, как реставратор заменяет подпорченный слой амальгамы на старинном зеркале, и представлять тех, кто в это зеркало мог смотреться, тогда, когда Вилен еще не было на свете.

К большому огорчению музейных работников, сведений о бывших владельцах усадьбы сохранилось не так уж много. Известных писателей, поэтов или художников среди них не имелось, дошедшие до наших дней немногочисленные письма и другие документы не представляли почти никакого интереса, и похвастаться чем-то вроде «в этом кресле сидел Пушкин, когда приезжал сюда в гости», экскурсоводы не могли. Так что чаще всего истории, способные оживить вещь, придать ей особый интерес в глазах посетителей музея, Вилен Петрович придумывал сам. У него был редкий дар восстанавливать и воображать по мельчайшим деталям, по каким-то крупичкам информации целые истории, которые могли бы стать увлекательной книгой или сценарием для фильма.

Глядя на вещь, он словно бы видел за ней ее бывших владельцев и не только представлял себе, как они выглядели, как разговаривали, как себя вели, но и придумывал им имена и подробности биографии, сочинял целые сцены с их участием, приписывая им те или иные слова, мысли и поступки.

И порой какая-нибудь школьница, наслушавшись его рассказов о жизни в усадьбе, о балах, званых обедах, музыкальных вечерах и нарядах, мечтательно застывала перед обновленным зеркалом (реставратор потрудились на славу, и заново посеребренное стекло казалось ясным и чистым, точно гладь лесного пруда в безветренный летний день) и вздыхала, любуясь причудливым узором завитков в позолоченной раме:

– Как бы я хотела жить в то время в этой усадьбе и смотреться в такое зеркало!

– А ты уверена, что родилась бы именно помещицей? – усмехался в ответ Вилен. – По теории вероятности, такой шанс не слишком велик. Ведь господ, которые владели всеми этими красивыми вещами, как вы сами знаете, были единицы – а основную массу обитателей усадьбы составляли их крепостные. И, родившись в то время, ты, скорее всего, тоже стала бы крепостной крестьянкой. Так что, ребята, вам очень повезло, что вы родились в Советском Союзе, при социализме. Вы живете как свободные люди в свободной, лучшей в мире стране. И вы всегда можете пойти в музей, полюбоваться на картины и другие произведения искусства, которые раньше простой человек не мог даже увидеть, если не прислуживал богачам.

Верил ли сам Вилен в правоту своих слов, был ли искренним, когда их произносил? В тот момент, конечно же, нет. Тогда среди интеллигенции было модно ругать социализм, задавивший свободу казенной идеологией. И Меркулов хоть и вырос в семье убежденных коммунистов (одно имя, данное ему родителями, чего стоило!), но тоже был недоволен советской властью, которая без раздумий сбросила с корабля истории царское прошлое и строго-настрого запретила даже упоминать имена многих поэтов, писателей, художников, философов. Поэтому, когда началась перестройка, Вилен, к тому времени дослужившийся до заместителя директора, сначала ей обрадовался. Обрадовался возможности говорить то, что думаешь, обрадовался разрешению, не таясь, читать и даже покупать Гумилева и Мандельштама и тем более обрадовался перспективам свободно ездить по всему миру.

Сначала, в эйфории, казалось, что все перемены в стране будут только к лучшему. Но очень скоро розовые очки слетели с глаз и со всех сторон посыпались всевозможные неприятности. Начались проблемы с финансированием музея, а это грозило неизбежной катастрофой, поскольку экспонаты требовали постоянного ухода и поддержки. Зарплата сотрудников, и прежде-то невеликая, совершенно обесценилась, люди стали уходить, и вскоре музей-усадьба оказался на грани вымирания. Статуи в саду отсырели и рассыпались, ценные экспонаты в хранилище покрывались плесенью, комнаты с каждым годом все больше нуждались в ремонте, который просто не на что было сделать. А вскоре и вовсе объявили, что музей закрывают – вроде бы какой-то новый русский выкупил усадьбу и собирается открыть в ней то ли ресторан, то ли казино. Директор музея, чудесная интеллигентная женщина, которой к тому времени уже было глубоко за восемьдесят, без остатка вложившая всю душу в свое детище, посвятившая музею всю жизнь, не пережила этого известия и скончалась в местной больнице от инфаркта. И тогда Вилен Петрович, воспользовавшись неразберихой и беспомощностью, спас что мог из экспонатов у себя на даче. Не то чтобы присвоил – официально списал за негодностью. А сам связался с краснодеревщиками и реставраторами, благо таких знакомств у него было немало, и на свои деньги, полученные от продажи бабушкиной квартиры, привел в порядок старинную мебель. Что-то оставил себе, а на остальное нашел покупателей-натурщиков, решив, что все-таки у хозяев старинные вещи будут сохраннее. Так Вилен Меркулов переквалифицировался из научного сотрудника в антиквары.

Списанного музейного имущества хватило ненадолго, но он не собирался останавливаться. Знал – по всей стране существуют еще десятки таких заброшенных музеев и музейчиков. И еще больше старинной мебели хранится в домах, у хозяев, которые не знают ее стоимости, да просто и не в состоянии ее оценить. Ведь только специалист может определить степень ценности и сохранности вещи и понять, стоит ли возиться с реставрацией. Да и ни к чему многим современным людям старинная мебель, не будут обитые тканью кресла на гнутых ножках в стиле какого-нибудь Людовика или инкрустированные мозаикой столики смотреться в интерьерах, выполненных в стиле хай-тек или модерна-минимализма. Хозяевам гораздо выгоднее продать старую вещь и обзавестись на вырученные деньги современной обстановкой.

Меркулов начал ездить по квартирам и частным домам и не только рассматривал выставленную на продажу мебель, но и расспрашивал об ее истории. Вилен Петрович особенно ценил вещи, о которых прежние владельцы могли рассказать что-то интересное, особенное, самобытное. Так выяснилось,

например, что круглый обеденный стол середины XIX века стоял в квартире, где неоднократно собирались члены одного из самых заметных марксистских кружков. Круглый стол хорошо продался, ведь в придачу к нему шла старая фотография – групповой снимок тех, кто чаевничал за этим столом, ведя бурные революционные диспуты. И хотя самые известные лица в кадр не попали, но уже тех, кто оказался на снимке, вполне хватило, чтобы придать вещи исторический ореол, а значит, существенно повысить ее стоимость. Помогли в этом и рассказы Вилен, который так живо описывал покупателям посиделки за чайным столом, вплоть до мельчайших деталей и пересказа речи участников, будто и сам присутствовал на тайных собраниях кружка.

Минули девяностые, началось новое тысячелетие, клиентура Меркулова почти полностью поменялась. Кто-то разорился, кто-то уехал за границу, были и те, кому друзья поставили роскошные памятники на престижных кладбищах. Вилену повезло – он избежал или почти избежал многих опасностей периода дикого капитализма, удержал бизнес на плаву и уверенно шел в гору, удачно воспользовавшись непроходящей модой на традиции, антикварную мебель и дворянских предков. И так как исполнял он это дело с любовью, оно принесло ему успех. В свои неполных семьдесят лет Меркулов был довольно состоятельным человеком. Конечно, не настолько, чтобы покупать острова и футбольные команды, но он мог позволить себе содержать хороший загородный дом, менять раз в несколько лет автомобиль и путешествовать по миру.

На встречу, которая должна была состояться в полдень, Вилен особых надежд не возлагал, и, как вскоре выяснилось, интуиция его не подвела. «Кровать восемнадцатого века», которую так старательно нахваливали ему по телефону, оказалась новоделом конца XX – пусть качественным, итальянским и дорогим, но новоделом – и потому ничем не могла заинтересовать антиквара. Простившись с огорченными клиентами, Вилен, тоже слегка разочарованный, вышел на лестничную площадку и заглянул через раскрытую дверь в соседнюю квартиру. Ее, похоже, готовили к ремонту: по опустевшим комнатам бродили рабочие в спецовках, что-то измеряя и бурно обсуждая. Обои со стен были кое-где оторваны, а на полу валялся разный мусор, который обычно остается после переезда.

Вилен тут же сделал стойку, точно охотничья собака, почуявшая дичь. Кому, как не ему, было знать, что такие покинутые хозяевами квартиры и дома могут стать настоящим кладезем ценнейших вещей. При внимательном рассмотрении в них может обнаружиться все, что угодно, от выброшенных писем знаменитостей до

завалившихся куда-нибудь ювелирных украшений.

Не удержавшись от соблазна, Меркулов зашел в квартиру и с независимым видом прошелся по комнатам. Занятые своим делом рабочие даже не сразу обратили на него внимание. За это время Вилен успел осмотреться и мгновенно заметил стоявший в одной из комнат массивный шкаф, трехстворчатый, огромный, метра три, если не больше, в длину.

Одного беглого взгляда было достаточно, чтобы определить и назначение, и примерный возраст вещи. Это явно был гардероб, шкаф для одежды, и явно старинный. Сейчас таких не делали – зачем современным людям в современных квартирах столь громоздкое чудище? Слишком высокий для потолков в обычных домах, такой войдет разве что в сталинку, подобную этой, в частный коттедж, построенный по индивидуальному проекту, или в какие-нибудь баснословно дорогие апартаменты. Да и по остальным параметрам шкаф был велик для стандартных домов, в иных малогабаритных квартирах он мог бы занять и добрую половину комнаты – и то если бы поместился. По резным элементам, украшавшим дверцы, можно было предположить возраст гардероба – где-то конец XIX века, может быть, самое начало XX. Хороший сорт древесины угадывался даже под темным лаком, и после более внимательного осмотра Меркулов сделал вывод, что шкаф не российского производства. Скорее всего, его изготовили в Германии или Австрии. Что ж, ничего удивительного в этом не было, в конце войны и сразу после нее в Москву попало немало подобных вещей – в качестве трофеев. Многие из них неплохо сохранились до сих пор, и этот шкаф, похоже, был из их числа. Он требовал небольшой реставрации, но явно не столь значительной и дорогостоящей, чтобы пожалеть на нее средств. Впрочем, хозяева гардероба, очевидно, так не считали, раз не взяли шкаф с собой. Однако антиквару это было только на руку. Если, конечно, шкаф действительно бросили, а не оставили поджидать перевозки – на новую квартиру или в мастерскую такого же, как Меркулов, реставратора.

Торопясь разрешить проблему, Вилен отыскал среди рабочих прораба, переговорил с ним и, к своей величайшей радости, выяснил, что шкаф действительно предназначался на выброс. Новый хозяин квартиры купил ее вместе со всеми оставшимися от прежних владельцев вещами, «барахлом», как выразился прораб, и дал команду перед началом ремонта выкинуть все без разбору. Так что предложение Меркулова забрать шкаф (тем более подкрепленное материально) было встречено рабочими «на ура», поскольку освобождало их от необходимости ломать старинный гардероб и вытаскивать

его из квартиры по частям, что они и собирались сделать в ближайшее время. Целиком такая махина, конечно же, не поместилась бы ни в один контейнер для мусора.

Вилен, все еще не веря своей удаче, спешно вынул мобильный и набрал номер помощника.

– Юрий, я тут одну вещь нашел... Шкаф. Скорее всего, конец девятнадцатого века. Австрийский или немецкий. Добротный. Дерево хорошо обработано и отлично сохранилось, только задняя стенка поцарапана. Да, хочу забрать, так что нужна большая машина как можно скорее и грузчики. Шестеро, не меньше, шкаф огромный и наверняка тяжеленный. И в лифт не войдет, это точно. Да, на том самом адресе, на Тверской. Хорошо, жду.

Благодарно кивнув рабочим и пообещав скоро вернуться, Меркулов вышел из квартиры и спустился на первый этаж в чистенький, весь заставленный разными комнатными растениями холл. За стеклянной перегородкой читала книгу приятная женщина лет шестидесяти с небольшим. На консьержку Вилен обратил внимание сразу, как только вошел в подъезд, направляясь в квартиру несостоявшихся клиентов, – чуть полноватая, симпатичная, опрятная, скромно одетая, с аккуратно зачесанными назад седыми волосами. Меркулов подошел к ее окошку.

– Сударыня, – проговорил он (это обращение Вилен уже много лет использовал при общении с разными женщинами, и им оно неизменно нравилось), – мне придется отнять еще немного вашего драгоценного времени. Вскоре сюда приедет машина забрать кое-какой груз, и я попрошу вашей помощи, чтобы мой транспорт мог заехать во двор.

– Это вы из тринадцатой квартиры что-то увозите? – уточнила консьержка, которая, как оказалось, помнила, к кому он пришел.

– Нет, из четырнадцатой, – отвечал Вилен. – Там, как я понял, готовятся к ремонту, старые вещи выбрасывают. И мне милостиво разрешили забрать кое-что из предназначенного на свалку.

– И что же именно? – полюбопытствовала женщина.

– Старый массивный шкаф, – не стал скрывать Меркулов. – Хозяевам он, судя по всему, не нужен.

Реакция собеседницы показалась ему несколько неожиданной. Женщина вскинула брови и с удивлением и, похоже, даже некоторым волнением проговорила:

– Шкаф? Тот самый?

– В каком смысле «тот самый»? – не понял антиквар.

– Ну, это долгая история... – немного смутилась его собеседница.

Эти слова весьма и весьма заинтересовали Вилену. У этого шкафа есть еще и история? Это любопытно. Хорошо бы ее узнать... Потому что, если история окажется стоящей, это сразу существенно повысит продажную стоимость шкафа.

– А я никуда не тороплюсь, – с готовностью заверил он. – И с удовольствием вас послушаю. Поверьте, для меня нет ничего интереснее, чем истории вещей. Знаете, на Западе сейчас мода такая – на вещи с историей. Люди покупают не просто безымянный старинный шкаф или стул, а особенную вещь, которой пользовались если не известные, то, по крайней мере, интересные люди с интересными судьбами...

Консьержка кивнула:

– Да, я слышала об этом, в передаче по телевизору говорили. Не скажу, что я в восторге от того, что у нас сейчас с Запада слепо перенимают все подряд. Но эту моду считаю полезной. Может, наконец, и у нас научатся ценить свое, родное. Не все же на границу оглядываться...

Меркулов улыбнулся – похоже, контакт налаживался.

– Полностью с вами согласен, – с готовностью кивнул он. – Извините, что до сих пор не представился. Меня зовут Вилен Петрович, я историк.

Историком, а не антикваром он, разумеется, назвался специально. Вилен хорошо знал, как относятся в народе к людям его профессии. Антикваров представляют исключительно жуликами и кровопийцами, которые обманывают беззащитных стариков и за бесценок скупают у них дорогое сердцу имущество.

Утрированный, конечно, образ, но что греха таить – доля истины в этом есть, ибо дыма без огня не бывает. Вряд ли найдется хоть крупный, хоть мелкий скупщик старинных вещей, который предложит продавцу за товар истинную цену. Чаще всего она занижена не в проценты, а в разы. Впрочем, так обстоят дела в любом бизнесе...

– А к вам, простите, как обращаться? – спросил Меркулов.

– Тамара Яковлевна, – женщина мило улыбнулась, и Меркулов невольно отметил, что улыбка у нее очень приятная.

– Вы, Тамара Яковлевна, наверное, давно здесь работаете? – продолжал любопытствовать Вилен.

– Работаю не так уж давно, восемь лет, с тех пор как на пенсию вышла, – охотно поведала собеседница. – А живу в этом доме с самого рождения. Нас тут, таких ветеранов, как я, немного осталось. Раньше-то, до перестройки, в нашем доме много «больших людей» жило – партийные работники, генералы, известные артисты... У них, разумеется, отдельные квартиры были. А простой народ, вроде моих родителей, – те в коммуналках... Ну а потом, как началась вся эта неразбериха, все поразъехались. Коммуналки риелторы расселили, «большие люди» поумирали, а их наследники квартиры попродавали. Квартиры-то в нашем доме дорогие...

– Ну, еще бы, на Тверской, да в двух шагах от Кремля, – поддакнул Вилен. Ему не терпелось побыстрее вернуть разговор к весьма заинтересовавшей его теме «того самого» шкафа, но он понимал, что спешить не стоит. Скажешь что-нибудь, что не понравится собеседнице, – и останешься без истории.

– На самом-то деле не так уж и хорошо тут жить, – призналась в ответ Тамара Яковлевна. – Там, где окна во двор, еще ничего, а если на улицу – так это просто кошмар. Шум круглые сутки – Тверская же! Грязь, пыль... Никакие стеклопакеты не спасают. Но я привыкла и переезжать не собираюсь. Вся жизнь в центре прожила, из всех театров, со всех концертов по вечерам пешком домой

возвращалась. Не хочется на старости лет что-то менять.

– Ну что вы такое говорите! При чем тут старость? Вы еще совсем молодая женщина, – мягко поправил Вилен.

– Да уж скажете тоже, какая ж я молодая... – консьержка зарделась, было видно, что ей приятен его комплимент.

И Меркулов решил, что сейчас самое время вернуть разговор в интересующее его русло.

– Тамара Яковлевна, вы отчего-то сказали про шкаф из четырнадцатой квартиры «тот самый», – напомнил он. – Я правильно понял, что с этим гардеробом связана какая-то история?

– Связана, и еще какая, – кивнула женщина, отчего-то нахмурившись. – Хоть книгу пиши или кино снимай.

– Так поведайте ее мне, – попросил Вилен. – А то я просто сгораю от любопытства.

– Ой, не знаю... Там все так сложно... В двух словах-то и не расскажешь... – замялась Тамара.

– А и не надо в двух словах! – заверил он. – Чем длиннее и подробнее выйдет, тем мне интереснее. Мне все равно машину ждать, пока она еще сюда по пробкам доедет... Так что я буду только рад скоротать время, слушая вашу историю. Со всеми подробностями.

Собеседница на мгновение заколебалась.

– Про генеральскую семью я бы вам с удовольствием рассказала, – сообщила она наконец. – Назаровы хорошие люди были, про таких и вспомнить приятно. А вот то, что дальше произошло с этим вашим шкафом... О таких вещах, честно признаюсь, и говорить-то совсем не хочется.

Вилен засмеялся.

– Ну, вы меня совсем заинтриговали, Тамара Яковлевна! Вот что, у меня есть к вам предложение. Начните свою историю с самого начала. С хороших людей, о которых приятно вспомнить. А дальше уж будет видно. Договорились?

– Ну, хорошо, – согласилась наконец консьержка. – Расскажу с самого начала. Только что же вы – стоя слушать будете? В ногах правды нет. Заходите уж ко мне сюда в каморку, присядьте, чайку с вами попьем...

– Тогда я вернусь буквально через минутку, – заверил Меркулов.

Он сходил в ближайший магазин – супермаркет под Манежной площадью, – купил к чаю коробку конфет и маленький торт, а по дороге еще раз позвонил помощнику и узнал, что машина будет только часа через полтора, а то и два, не раньше. Что ж, Вилена это вполне устраивало. Он вернулся к Тамаре Яковлевне, та поахала над гостинцами, потом усадила гостя рядом с собой за стол, налила ему крепкого вкусного чая и приступила, наконец, к неспешному повествованию. Консьержка рассказывала историю, очевидно, услышанную с чужих слов, а богатое воображение Меркулова тут же раскрашивало ее, дополняло образами, картинками, деталями и даже речью, даже мыслями персонажей.

Глава первая

В шесть часов вечера после войны

Шло лето 1946 года, года после Великой Победы. Постепенно возвращались с войны ее герои – мужчины и женщины, солдаты и офицеры, инвалиды и те, кому повезло уцелеть, сохранить руки, ноги и здоровье... Но не покой. Никто из них не забудет тех страшных дней, теперь всю оставшуюся жизнь им будет сниться то, что наяву хотелось поскорее забыть...

Но это будет потом. А пока на усталых, измученных, изможденных лицах все равно светилась радость. Самое главное позади – врага одолели, войну пережили. Остальное уже не столь важно. А что трудно, так к трудностям не привыкать, не с таким справлялись. Пусть кругом голод и разруха – не беда. Налаживать мирную жизнь – это не работа, это счастье.

Так в ту пору думали все, так думал и Степан Назаров, сибиряк, боевой генерал, прошедший за четыре года от Омска, который покинул капитаном, до самого Берлина. После войны он не вернулся в родные края, а был направлен приказом партии в столицу. Должность ему дали столь же высокую, сколь и ответственную – Степану Егоровичу предстояло работать в правительстве. Война унесла много жизней, разрушила города и села, и в правительстве теперь необходимы были деловые, хваткие, энергичные люди – бывшие фронтовики. Сам товарищ Сталин ратовал за то, чтобы военные сменили полевую форму на деловые костюмы и отправились восстанавливать загубленные и уничтоженные немцами предприятия.

Приехав в Москву, Назаров буквально на второй же день получил квартиру. Да какую! Шикарные шестикомнатные (это еще не считая комнаты за кухней для прислуги) хоромы в новом, построенном незадолго до войны, доме на улице Горького, в нескольких минутах ходьбы от Красной площади. В такой огромной квартире – и только вдвоем, с женой, верной фронтовой подругой Татьяной.

Для нее новоселье стало настоящим потрясением. До этого Таня всего раз побывала в Москве, и то проездом, ничего толком и повидать не успела, кроме Мавзолея, Большого театра и ВСХВ – Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, с которой сумела познакомиться еще до выхода любимого фильма «Свинарка и пастух». А теперь выяснилось, что она будет жить в столице. Как зачарованная стояла Татьяна посреди огромной пустой квартиры. Настоящий дворец! Вот только из мебели лишь матрасы прямо на роскошном дубовом паркете, а из имущества – пара вещевых мешков, ее и мужа, да две шинели. А так – пустота, и каждый звук, шаг или слово отдаются от стен и свежепобеленного потолка гулким эхом.

– Ну что ты застыла, Танюшка? Можно подумать, никогда больших квартир не видела, – усмехнулся Степан.

Татьяна только покачала головой. Конечно, она много раз видела большие квартиры – и в Европе, и на родине, где после революции квартиры в хороших домах были поделены на клетушки и превращены в перенаселенные коммуналки, с одной кухней и одной уборной на несколько десятков жильцов. Но чтобы отдельная квартира, столько комнат для одной-единственной маленькой семьи!..

– Поверить не могу, что это теперь наш дом... – пробормотала она.

– А придется! – Степан сиял улыбкой, которую она так любила. – Мы теперь с тобой москвичи, Танюшка! Да не стой ты, как столб, лучше вон в комнату напротив пройди.

– А что такое?

– Иди, я тебе говорю!

Татьяна выскользнула в коридор, осторожно приоткрыла двойную дверь... и ахнула, всплеснув руками. Посреди комнаты стояло старинное фортепиано: лакированное, с резными ножками, причудливыми инкрустациями и канделябрами по бокам в виде изящных женских фигур – настоящее произведение искусства.

– Нравится? – тихо спросил Назаров.

Пианино было единственной вещью, которую он привез из Германии. Другие высокопоставленные чины вывозили трофеи вагонами – мебель, картины, посуду, фарфоровые статуэтки, одежду и обувь... А он со многими предосторожностями, очень бережно привез только фортепиано – в подарок любимой жене.

Татьяна обняла мужа и заплакала...

Таня была родом из печально знаменитого города Сталинграда, который в то время, когда она родилась, еще назывался Царицыном. Родители ее были, как говорили в то время, служащими, интеллигенцией: папа – инженер, мама – учительница. Жили Ильины скромно, может быть, даже еще скромнее, чем большинство их соотечественников, потому что значительная часть зарплаты тратилась не на вещи и еду, а прежде всего на пищу духовную – книги, театр, концерты, на которые единственную дочку водили уже с четырех лет. Таня с детства очень любила музыку и мечтала о собственном пианино. И родители вскоре осуществили ее мечту – с большим трудом, экономя на всем, на чем только можно было сэкономить, они купили ей по случаю старенькое пианино. Корпус местами потрескался, не все клавиши производили точные звуки – инструмент не строил, и это очень огорчало и Таню, и ее родителей. Пробовали

пригласить настройщика, но тот только руками развел – дерево отсырело, потом усохло, фортепиано пережило несколько переездов, в общем, пациент был скорее мертв, чем жив. Но выбирать не приходилось, Таня занималась на таком инструменте, какой у нее был.

Довольно скоро родители поняли, что их музыкальных знаний, полученных в собственных семьях и в гимназии, явно не хватает. Танечка подавала большие надежды, и ей необходима была более серьезная подготовка. Девочке нашли учительницу – пожилую даму-пианистку. Когда-то она была музыкантом, выступала сама и аккомпанировала популярным исполнителям, но вскоре после революции ее мужа, эстрадного артиста, любимца публики, «из дворян», как выражались в те времена, обвинили в контрреволюционной деятельности и расстреляли. С тех пор Маргарита Васильевна на службу уже устроиться не могла – не позволяло слабое здоровье. Приходилось перебиваться уроками, и, чтобы хоть как-то прокормиться, Маргарита Васильевна бралась преподавать музыку любым ученикам, даже самым бесталанным, а плату согласна была брать не только деньгами, но и продуктами. Время тогда было тяжелое, голодное, не хватало даже самого необходимого.

Учительницу и ученицу в буквальном смысле послала друг другу судьба, и неизвестно, кому из них повезло больше. Маргарита Васильевна часто повторяла, что на уроках с Танечкой отдыхает душой – такая она способная, прилежная и старательная ученица. Для пожилой женщины музыка была единственной отрадой, смыслом жизни. Маргарита Васильевна рассказывала, что еще ее дед с раннего детства страстно увлекался музыкой. Дворовым мальчишкой, лет двух-трех, как услышит, что в господском доме на фортепиано заиграли, так встанет под окном и стоит как вкопанный, за уши не оттащишь. Его уж и били, и за вихры тягали – ничего не помогало. Потом одна из барышень заметила его и стала учить музыке. Он взялся за учебу с огромным рвением, но барышня вскоре вышла замуж, и учение прервалось. До старости дед виртуозно играл на балалайке и, умирая, наказал сыновьям, что если кто-то из внуков проявит любовь к музыке, то костями лечь, но выучить его этой премудрости.

Что касается Тани, то и ей музыка была настолько в радость, что ради нее она была готова отказаться от всего – и от игр, и от прогулок, и от общения с подружками. Таня сама каждый день, без всяких напоминаний, садилась за пианино и по несколько часов занималась, не жалея сил, играла гаммы, этюды и упражнения. «Что, опять рояль насилуешь?» – ласково подтрунивал над ней отец. Конечно же, родители гордились дочерью и мечтали, что их Танечка

станет настоящим музыкантом. Когда она поступила в Саратовскую консерваторию, радости в семье не было предела. Училась Татьяна отлично, педагоги ее хвалили. Но после окончания консерватории, когда Таня вернулась в родной город, вдруг выяснилось, что работать ей негде – свободных вакансий в городском театре и филармонии не нашлось. И она с большим трудом устроилась на полставки работать в недавно открывшуюся музыкальную школу. Конечно, это было совсем не то, о чем грезилась Татьяна... Но выбирать, увы, не приходилось. Днем она занималась с учениками, а по вечерам и в выходные подрабатывала тем, что играла на утренниках в детских садах, на концертах в школах и на танцах в клубах.

Таня уверяла себя и родителей, что все это ненадолго, но шло время, а ничего не менялось. Ни на работе, ни в личной жизни. Хотя Татьяна Ильина была привлекательной девушкой, создать семью ей не удавалось довольно долго. Быть может, потому, что просто негде было познакомиться со своим суженым – ведь на всех вечерах, когда другие девушки танцевали с будущими женихами, Таня сидела за инструментом и играла вальсы и фокстроты.

Однако, как говорится, судьба – она и на печке найдет, не только за фортепиано. Однажды на вечере в клубе во время перерыва к ней подошел высокий молодой мужчина с лычками старшего лейтенанта и спросил, можно ли будет пригласить ее на следующий танец.

– Если я пойду танцевать, весь зал останется без музыки, – улыбнулась пианистка.

Но военный был настойчив:

– Тогда разрешите проводить вас домой после танцев, – серьезно попросил он.

Татьяна пригляделась к старшему лейтенанту. Уже не мальчик, на вид лет тридцать пять как минимум. Статный, плечистый, лицо чисто русское, приятное, открытое, располагающее к себе.

– Хорошо, – согласилась пианистка.

Весь вечер она нет-нет да поглядывала краем глаза – где-то там этот старший лейтенант? И с удовольствием отмечала, что он ни с кем не танцует, только

разговаривает с друзьями да тоже постоянно смотрит в ее сторону. Давно уже Татьяна не играла так хорошо и с таким удовольствием, как в тот вечер... Однако при этом ей впервые за долгое время хотелось, чтобы танцы поскорее закончились. И, похоже, военный чувствовал то же самое. Едва Таня доиграла последний вальс, он подошел к ней и спросил, не передумала ли она. В его голосе чувствовалось волнение, и Татьяне это было очень приятно.

В гардеробе он помог ей одеться, ловко подав пальто.

- О, да вы галантный кавалер! - улыбнулась девушка, отчего ее спутник смутился и сказал, что дело совсем не в этом, просто им в военном училище преподавали основы этикета.

- Извините, что до сих пор не представился, - проговорил спутник, чтобы замять возникшую неловкость. - Степан Назаров, старший лейтенант.

- Очень приятно. Татьяна Ильина. - Она протянула ему тонкую руку с длинными пальцами, и Степан осторожно пожал ее своей широкой сильной ладонью.

Был чудесный зимний вечер, и молодые люди решили пройтись пешком, поскольку до Таниного дома было не слишком далеко, минут сорок неторопливого хода. По дороге Степан немного рассказал о себе. Он был родом из Сибири, вырос в крестьянской семье, с детства мечтал о военной карьере и шестнадцатилетним мальчишкой сбежал на фронт - воевать с белыми. После Гражданской войны поступил в военное училище, успешно его окончил и с тех пор колесит по всей стране, поскольку его часть постоянно перебрасывают с одного места на другое. Степан почти сразу признался Тане, что был женат - на своей односельчанке, которую любил еще в ранней юности. Однако брак продлился недолго, красавица Нюра не выдержала тягот жизни боевой подруги и постоянных разъездов. Она сбежала от мужа, вернулась в родное село, вышла замуж, родила детей. А Назаров с тех пор так и жил бобылем, хотя ему уже пошел тридцать седьмой год.

Степан проводил Таню до ворот - Ильины жили в частном секторе - и дождался, пока отец Татьяны откроет дверь. Пожав будущему тестю руку, Назаров произнес: «Я просто хотел убедиться, что с Таней будет все в порядке». От приглашения зайти выпить чаю или чего покрепче отказался - пора было возвращаться в казарму, завтра, как обычно, рано вставать. Однако ушел лишь

после того, как договорился о следующей встрече с Татьяной.

Впоследствии Степан уверял, что решил жениться на Тане сразу, едва ее увидел. Впрочем, возможно, оно действительно так и было. У Татьяны, казалось бы, имелось больше поводов для сомнений. Все-таки жених старше почти на одиннадцать лет и совсем не ее круга, как не уставала повторять двоюродная тетушка. А главное – офицер, что неизбежно означало для его супруги походную жизнь со всеми ее переездами, трудностями и лишениями. Но Татьяну, которая впервые в жизни полюбила по-настоящему, это не остановило. Они расписались, сыграли свадьбу, и когда через некоторое время военную часть, в которой состоял Назаров, перевели в Омск, Таня отправилась туда вместе с ним.

– Декабристка, – заявила, поджав губы, двоюродная тетушка. – В Сибирь за мужем поехала...

На новом месте Татьяна работы по специальности не нашла, да и не искала. Она решила записаться на курсы медсестер – по крайней мере, эта профессия будет востребована всегда и везде, где бы они со Степаном ни оказались. И вскоре выяснилось, что решение было принято очень вовремя. Едва Таня окончила курсы, как началась война. Назарова отправили на передовую, и Татьяна, которой была невыносима даже мысль о разлуке с мужем, не раздумывая, последовала за ним.

Удивительно, как меняет людей война, и к женщинам это, наверное, относится вдвойне. Еще вчера Танечка Назарова, в девичестве Ильина, собирала цветы, играла Шуберта, зачитывалась стихами Тютчева, смущалась от неприличных слов и визжала при виде мыши – а сегодня она работает в полевом госпитале, где кровь и страдания, где оторванные руки и вспоротые животы. И ничего – выдержала, не сломалась. Привыкла и к раненым, и к их стонам, и к тому языку, которым чаще всего изъяснялись на фронте, и к спирту, которым военные медики снимали стресс. Татьяна не жаловалась на судьбу, понимая, что ей еще легче, чем другим. Она здесь, по крайней мере, рядом с мужем – куда его часть, туда и ее госпиталь.

Всю войну супруги Назаровы прошли бок о бок, выжили и остались целы. Страшно было даже думать о том, насколько им повезло, насколько редко такое случалось – в стране, где не было семьи, которой не коснулось бы горе. У Степана из всей родни осталась только мать, оба брата и отец, записавшийся в добровольцы, несмотря на возраст, пали на фронте. У Татьяны погибла в

Сталинграде вся семья: и мама, и папа, и двоюродная тетушка, та самая, все уверявшая, что Степан ее племяннице не пара. А сколько они потеряли фронтовых друзей! О некоторых, особенно близких, вспоминать было невыносимо – сознание отказывалась принимать потерю. Иногда супруги по нескольку раз за сутки прощались друг с другом, будто навсегда – знали, что каждая встреча может оказаться последней. Но каким-то чудом, видно, волей ангела-хранителя, они выживали даже в самых безнадежных ситуациях. И кроме дизентерии, подхваченной на украинских землях, когда отбивали у нацистов Киев, да легкого ранения Степана, никакого ущерба здоровью не получили.

Вот только руки свои, прекрасные руки пианистки, Татьяне сохранить не удалось. От тяжелой работы медицинской сестры они огрубели, и в те редкие моменты, когда на глаза попадалось фортепьяно и Таня пробовала играть, она с ужасом замечала, что пальцы потеряли былую гибкость и уже не слушаются, не позволяют ей исполнять ту музыку, которую она когда-то так любила. Только несложные известные мелодии, популярные песни и вальсы вроде «Бьется в тесной печурке огонь» или «С берез, не слышен, невесом, слетает желтый лист» ей еще как-то давались. Всего лишь несколько нот, от которых у солдат на глаза наворачивались слезы, – а у нее появлялись слезы от того, что она понимала: на большее, к сожалению, уже не способна...

А дальше опять был фронт, опять раненые... Опять сердце рвалось пополам, после того как ты видишь, как на твоих руках умирает в адских муках солдат, вынесенный тобой же из боя... И каждодневные сто грамм: вначале для храбрости, потом – чтобы спалось, потом – чтобы нервы не шалили, а потом – потому, что без этого уже не можешь...

Но если от воспоминаний и снов нельзя было никуда деться, то от спиртного Татьяна решительно отказалась. Насмотрелась на тех, кто окончательно спился к концу войны, и не хотела для себя и своей семьи такой судьбы. Непросто было преодолеть тягу к «зеленому змию», но Таня нашла в себе мужество и справилась с уже начинавшейся зависимостью. После войны она на алкоголь уже смотреть не могла, даже по праздникам не позволяла налить себе ни рюмки. А Степан время от времени был вынужден выпивать с сотрудниками, но не увлекался, понимал, чем это чревато. В номенклатурных учреждениях пили всегда много, начальство это поощряло – так и инакомыслящих легче выявить (кто-то что-то да сболтнет спьяну), и компромат собирать на сотрудников, ухитрившихся под действием алкоголя совершить что-то аморальное или даже противозаконное. Потому Степан на коллективных попойках не усердствовал –

ссылался на подорванное фронтом здоровье и с грустью наблюдал, как спиваются другие, те, кто не мог удержаться и проявить благоразумие.

Но это было уже потом. А сначала новоселы потихоньку обживали роскошную квартиру. Впрочем, обживали – это сильно сказано, вещей у них было минимум. Разложили рядом прямо на полу два простых матраса, Татьяна застелила их чистыми простынями, бросила сверху две подушки, накрыла двумя шерстяными одеялами – вот и готова супружеская постель. Развязав походный мешок, она осторожно достала вещь, которую берегла всю войну: прекрасные бронзовые старинные часы – настольные, на гнутых ножках, увенчанные маленькой фигуркой амура. Эти часы Таня выменяла на все тот же спирт на барахолке под Варшавой, когда освобождали Польшу, и носила их с собой, мечтая, что когда-нибудь кончится война, у них со Степаном появится дом, и она поставит в нем эти самые часы. И вот долгожданный момент наступил. Таня оглянулась по сторонам, ища, куда бы пристроить часы в пустой комнате, шагнула сначала к пианино, потом передумала, водрузила символ своих мечтаний прямо на подоконник, развернула к себе задней стенкой, чтобы завести и установить стрелки.

– Сколько сейчас времени? – спросила у мужа.

Тот опустил взгляд на свои наручные командирские.

– Ровно шесть.

– Надо же, прямо как в кино, – улыбнулась Таня. – «В шесть часов вечера после войны».

Они еще долго бродили по огромным пустым комнатам своего нового дома, решая, какую подо что приспособить. В этой, самой большой, хорошо будет гостей принимать, тут человек пятнадцать, а то и больше, может поместиться, и никому тесно не будет. Эта комната тихая, окнами во двор, отлично подойдет для спальни. А в этой, самой светлой, идеально было бы устроить детскую – вот только детей у Назаровых нет. До войны не успели, а сейчас – получится ли?

– Знаешь, Танюшка, хоть мы с тобой уже и старые, но, может быть, успеем еще детей завести? Пускай хоть кто-то в этой огромной квартире бегаёт, – предложил Степан в первый же вечер.

Татьяна только грустно улыбнулась в ответ. Старые... По годам-то не такие уж они старые, ей тридцать три, ему сорок четыре. Но для первой беременности, конечно, поздно. Да и получится ли? Татьяна вспомнила, в каких условиях провела всю войну. И мерзла, и голодала, и надрывалась, и пила... Возможно ли после всего этого забеременеть, выносить и родить здорового ребенка? Да не просто родить, а вырастить, поставить на ноги? Хватит ли у нее здоровья и сил?

С новоселья у Назаровых началась новая жизнь. Ведь на фронте они хоть и были вместе, но видались редко. И еще реже случалось проявить друг к другу нежность – не до того было. А теперь каждый день вдвоем: рядом просыпались, рядом засыпали. И пусть не на кровати, а на полу на матрасах, но после фронтовых лишений жизнь в сухой и теплой квартире, с водопроводом, горячей водой и кухней, казалась раем. Супруги как будто заново проходили те первые этапы любви, которые были у них тогда, в Сталинграде, переживали уже ставшие такими далекими первые месяцы счастливой семейной жизни.

И все же было нечто новое в их отношениях, их взглядах и объятьях. Степан и Татьяна, пройдя войну, по-особому относились как к самому факту своего бытия, так и к возможности быть вместе. Никто так не умеет ценить жизнь, как те, кто прошел по краю смерти. И вершина проявления жизни – любовь – была драгоценным кристаллом, сердцевиной той твердой породы, из которой, похоже, состояли Степан и Татьяна.

Теперь, когда Татьяна стала домохозяйкой, то целые дни ждала, когда муж придет с работы, уставший, прокуренный, и после ужина они займутся тем, чем не могли заниматься на войне. Они любили друг друга, они наслаждались друг другом. Они мечтали иметь детей.

Забеременела Татьяна быстро, месяца через два после того, как они въехали в новую квартиру. И сразу, без всяких сомнений, поняла, что с ней. Женщина опытная, медсестра все-таки. Тогда, конечно, ни о каких анализах, ни о каких тестах на беременность и помину не было. Но она и без всяких тестов знала, что ждет ребенка. Откуда? И как объяснить то чувство, когда дата на календаре еще ни о чем особенном не говорит, но уже появляется уверенность – внутри тебя зародилась жизнь. Оказывается, и счастье если оно приходит, то не приходит одно, так же как и беда.

А счастливы они действительно были, даже несмотря на все трудности, каких и после войны хватало. Разумеется, зарплата Назарова, возможности человека его положения и спецпаек, который он теперь получал, позволяли их семье нормально питаться и жить лучше многих, но именно это Татьяну и угнетало. Сердце у нее было доброе, и воспитана она была так, что ей было стыдно досыта есть и хорошо одеваться, когда люди вокруг жили впроголодь и ходили в обносках. И «генеральша» старалась помогать всем, кому могла.

В числе ее протеже оказалась и проживавшая по соседству семья Тамары Яковлевны. Самой Тамары тогда еще не было на свете, она родилась только в пятьдесят первом году, но позже она хорошо узнала историю Татьяны и Степана из рассказов родителей. Семейке Тамары жилось непросто. Мать работала лифтером в доме, а отец вернулся с войны инвалидом – без ног. Но Катерина, Тамарина мать, искренне считала, что ей еще повезло – по сравнению с другими женщинами, которые вообще без мужиков остались. У нее-то муж был все-таки жив. Хоть и без ног, зато с руками. И по мужской части все у него было отлично – иначе не появилась бы на свет Тамара.

* * *

– За много лет жизни по соседству мама с Татьяной Сергеевной стали почти подругами, во всяком случае, стали очень близки. Генеральша часто делилась с мамой тем, что происходило в ее жизни, или вспоминала о прошлом. А мама все это помнила и рассказывала мне...

На этом месте Тамара Яковлевна прервала свое повествование, чтобы немного передохнуть, перевести дух и налить себе и слушателю еще по чашке чая.

– Я вас не утомила? – осведомилась она, пододвигая Меркулову блюдечко со вторым куском торта. – А то я увлеклась, говорю-говорю, а до вашего шкафа еще даже не дошла...

– Что вы, что вы, я слушаю с огромным удовольствием. Вы замечательно рассказываете, вам надо книги писать, – заверил Вилен и был абсолютно искренен. Он действительно всей душой любил такие вот простые истории – в них чувствовалось что-то живое, настоящее, чего не увидишь в фильмах и не прочтешь в книгах. Он словно сам становился свидетелем происходящих событий. Да и рассказчицей консьержка была хорошей. Ее общество было

приятно Меркулову – нравился скромный, но не лишенный изящества облик, нравился мягкий голос, красивая и правильная речь, нравились внимание и забота, с какими она угощала его чаем.

– Ой, ну вы скажете тоже... – Тамара Яковлевна смутилась от его слов. – Какой из меня писатель? Никогда этим не баловалась. Читать всегда любила, есть такое дело, но сама никогда ничего не писала, разве что стихи в далекой юности... Впрочем, вряд ли вам это интересно. Лучше слушайте, что было с Назаровыми дальше.

Глава вторая

Многоуважаемый шкаф

Как-то осенним вечером в гости к Назаровым заехал Самойлов, начальник Степана, – из тех, про кого в народе говорили «человек из ЦК». Приехал не один, но его сопровождающий в черном кожаном пальто и надвинутой на глаза шляпе в квартиру не вошел, а остался на лестничной площадке. Татьяне стало неловко – что это гость будет за дверями перебиваться. Она захотела предложить и ему зайти в квартиру, но перехватила строгий взгляд мужа и остановилась. Позже Назаров объяснил: этот товарищ с Самойловым всегда рядом, обязан сопровождать, но сидеть с начальником за одним столом ему не положено.

– Ну, хоть чаю ему горячего предложу, – согласилась Татьяна. Вынесла на лестницу стакан в подстаканнике, с сочувствием взглянула на лицо сопровождающего, которое пересекал огромный шрам.

– Видно, на войне-то вам нелегко пришлось...

– Это я в самом начале еще, в сорок первом, в танке горел... – нехотя пояснил тот. – Потом все. Так... по тылам мотался.

А Самойлов уже с порога возмутился:

– Степан Егорович, да как же ты живешь, брат? Да как же так можно? Вы что ж до сих пор на полу спите? В такой хате – и вы всего лишь навсего в одной комнате расположились! Да кто ж чайник-то такой ставит на плиту-то такую? – говорил, а сам доставал из портфеля коньяк, шоколад, фрукты, консервы.

– Да как-то все недосуг было этим заняться... – смущенно улыбнулся Назаров. Ему, родившемуся в деревенской избе, всю жизнь жившему в казарме и только что вернувшемуся с войны, было как-то неловко пользоваться генеральскими привилегиями и обустраивать свой быт – он чувствовал себя так, словно забирает лучшие куски у других. В этом они с Татьяной были схожи. Впрочем, не только в этом.

– Коньяк будешь, хозяйка? – спросил, откупорив бутылку, Самойлов, когда все устроились на табуретках за самодельным столом, который Степан собственноручно сколотил из ящиков, а Татьяна покрыла красивой скатертью, которую повезло раздобыть на барахолке.

– Нет-нет! – замотала головой Татьяна.

– А что так? – Самойлов плеснул коньяк в подставленные Степаном армейские кружки. – Экая у вас посуда-то! Прямо богемское стекло, – хохотнул он.

– Не пью я. – Татьяна невольно опустила взгляд на свой живот, который еще не был замечен. Это движение не ускользнуло от внимания Самойлова, он увидел его и сразу все понял.

– Брюхата, значит? Это хорошо, это дело, – одобрил Самойлов и с силой хлопнул Назарова по плечу. – А ты молодец, Степан Егорович, орел! Ну, ваше здоровье.

Выпил залпом, не вздрогнув и не закусив. Снова посмотрел на Татьяну и неожиданно прибавил:

– Рожай девку, хозяйка.

– Отчего же девку? – удивилась Татьяна. – Сейчас стране мальчишки нужны – на фронте вон сколько мужчин полегло...

– Мальчишки к войне рождаются, – пояснил свою мысль Самойлов. – А с нас хватит войны...

Выпили еще по одной, закусили. Татьяна с мужчинами долго не оставалась – начало беременности она переносила нелегко, мучилась и токсикозом, и бессонницей. Попрощавшись, отправилась спать. И, как ни странно, в тот вечер быстро заснула и крепко спала. словно принес ей Самойлов какую-то надежду. Вроде ничего особенного не сказал, но будто прочитал что-то сокровенное в ее душе.

А Степан с гостем сидели еще долго, ели, пили, вспоминали недавно отгремевшую войну. Им было о чем поговорить – хотя Самойлов и Назаров служили на разных фронтах, но оба прошли Великую Отечественную с первого дня до последнего и многое повидали. Так и разговаривали, пока на улице не стало светать.

– Буду я собираться, – сказал, наконец, Самойлов, кинув взгляд на окно. – Хорошо посидели, душевно. Даже легче как-то стало на душе. Вспоминали о тяжелом – но полегчало. Видимо, человек ты хороший. Не зря тебя судьба бережет. Такие, как ты, нужны. Стране нужны, жизни нужны. Чтобы преодолеть разруху. Чтобы все эти ужасы забылись. Чтобы наши дети не знали того, что пришлось пережить нам...

Тем временем проснулась Татьяна, тихонько проскользнула в ванную. А умывшись и приведя себя в порядок, вышла пожелать гостю доброго утра.

– Всю ночь сидели? – усмехнулась она.

– Да, было что вспомнить, – кивнул Самойлов.

Уже уходя и стоя в дверях, он проговорил:

– А быт-то тебе все-таки надо наладить, Степан Егорович, надо! Ну, ничего, мы этот вопрос решим. Я тебе так скажу: вывезли мы, браток, с Германии столько добра... Станции ломаются, в вагонах и мебели, и всего полным-полно. Дам-ка я, пожалуй, распоряжение, чтобы обустроили тебя, квартиру твою.

Назаров нахмурился. Ему не по душе пришлось предложение начальника – слишком хорошо помнилось, как и какой ценой добывалось это добро. Но Таня взяла его за руку и посмотрела так умоляюще, что он промолчал.

– Ну, значит, так и сделаем, – заключил Самойлов. – Завтра же напишешь заявление. Мол, так и так, приехал, живу, должность такая-то, работаю там-то, жена есть, ребенок скоро появится, а квартира не обустроена, нужна помощь. Прошу, мол, то-то и то-то. А лучше я тебе дам образец, по нему и заполнишь.

Похлопал по плечу. И, пошатываясь, пошел прочь. Открыл дверь на лестницу, где сидел на подоконнике, клюя носом, тот самый сопровождающий в кожанке – над пепельницей с кучей окурков и пустым стаканом из-под чая. Завидев начальство, охранник тотчас выпрямился, глаза засверкали, как будто бы и не спал совсем.

– Что ж, едем, браток, едем, – обратился к нему Самойлов. – А ты, я вижу, молодцом, хоть и ждал всю ночь.

– Обо мне хозяйка позаботилась, раза три чаю наливала. И харчей предлагала, да я отказался, у меня все свое с собой, – охранник показал на промасленную газету, в которой, очевидно, еще недавно были бутерброды. Человек опытный, он в который уже раз сопровождал своего начальника и знал, что если тот вечером едет к кому-то в гости, то легко может задержаться там до утра.

– Молодец, запасливый... – Самойлов обернулся к супругам, которые оба вышли на лестницу – проводить важного гостя. – Ну, бывайте, не поминайте лихом.

Еще долго в подъезде слышны были шаги и голоса. Начальник под хмельком был ласковым к своим подчиненным.

Дверь захлопнулась. Назаров с Татьяной обнялись.

– Думаешь, Самойлов выполнит свое обещание? – с надеждой спросила Таня. Ее раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, ей, как и Степану, все еще было неудобно пользоваться номенклатурными привилегиями, когда по всей стране голод и разруха... Но с другой – измучил неустроенный быт, отсутствие самого необходимого, которое особенно остро стало ощущаться сейчас, когда она забеременела.

– А как не выполнить? – отвечал ее муж, без особой, впрочем, уверенности в голосе. – Будем надеяться, что выполнит...

Конечно, им пришлось некоторое время подождать. Татьяна не решалась спрашивать у мужа, слышно ли что-то насчет обещания Самойлова, а сам Степан на эту тему молчал. И Татьяна уже начала потихоньку склоняться к мысли, что ничего не получится. Мало ли что говорил Самойлов в подпитии. Протрезвел – и забыл. Или сам Степан, который всегда был стоек в своих убеждениях, передумал и не стал писать заявление...

Но однажды субботним вечером в пустой квартире зазвонил телефон, и почти механический голос четко и ясно произнес инструкции. В понедельник, в шесть утра, Назаровым надлежало быть дома и встречать вещи.

В ночь накануне Таня так и не сомкнула глаз. Еще с вечера вся квартира была подметена, полы начисто вымыты и натерты. В отличие от многих людей их положения Назаровы домработницей не обзавелись – Татьяна справлялась с нехитрым хозяйством сама. Но сейчас она была беременна, и муж строго-настрого запретил ей самой елозить по полу с тряпкой и тем более поднимать тяжелые ведра с водой.

– Береги себя и маленького! – строго сказал он. – А убраться прекрасно может и лифтерша Катя, мы ей заплатим.

Татьяна хотела возразить – мол, что с ней станется-то, но передумала. Муж о ней заботится – не нужно ему препятствовать. Вместо возражений она тепло произнесла:

– Какой ты у меня все-таки... Генерал.

С тех пор Катерина и сделалась постоянной помощницей в доме Назаровых. Сама она была только рада этому: Татьяна относилась к ней хорошо, обращалась ласково, не как с прислугой, не командовала, не придиралась, всегда была вежлива и внимательна, никогда не повышала голоса и не забывала поблагодарить. Для Назаровых Катя стала почти членом семьи. Сама же Катерина видела в новой работе одни плюсы. И копейка в дом нелишняя, и продуктов ей время от времени давали, и хорошая одежда перепадала, если

вдруг Татьяне по какой-то причине не подходила. И ходить далеко не нужно, все в том же доме, и работа не из тяжелых. В городской квартире хозяйничать – не то что поле жать. Всего делов-то, что убраться, подмести, пыль смахнуть, посуду и полы вымыть да уборную отдраить. В магазин особо ходить не нужно – большей частью продукты Степану спецпайком на работе выдавали. Так, разве что хлеба свежего купить да на рынок сбегать. Ну, и приготовить, конечно.

Готовила Катя хорошо, ее стряпню все хвалили. Даже обычная яичница или отварная картошка у нее получались почему-то вкуснее, чем у других. А какие она блины пекла – тонкие, прозрачные, солнце сквозь такой блин можно было рассмотреть. И пельмени лепила – никто так не умел. Мелкие, большинство хозяек никак таких не слепят, но сочные – пальчики оближешь... Так что хорошая помощница у Назаровых появилась, и они были ею очень довольны.

В назначенный день с половины пятого Таня была уже на ногах и ждала. А ровно в шесть началась кутерьма, которая длилась почти до полуночи. Солдаты заносили в квартиру мебель, деревянные ящики, какие-то коробки... На улице было сыро – поздняя осень, снег с дождем, слякоть. Паркет тут же затоптали, испачкали, засыпали обрывками бумаги, сеном, опилками. Но ни Катерине, ни Татьяне не жаль было мытых полов, они не переставали ахать, увидев очередной предмет мебели или заглянув в коробку.

Тане было радостно, как в детстве, когда она получала подарки в день рождения. Подарок приятнее, чем то, что родители покупают по твоей просьбе, – ведь никогда не знаешь наверняка, что окажется в заветном свертке. Так и теперь Татьяна с замиранием сердца рассматривала доставленное. А там чего только не было! Ковры и покрывала, фарфоровые вазы и статуэтки, роскошная посуда, серебряные столовые приборы, зеркала... А мебель, какую им привезли мебель! Вся добротная, из дуба, а то и красного дерева, красивая, точно из дворца или музея.

Самым заметным среди всех этих стульев и кресел, столов и столиков, комодов и тумбочек оказалась даже не роскошная кровать с инкрустацией, такая широкая, что даже высоченный Назаров легко мог бы улечься на ней поперек, а огромный шкаф. Метра в три, а то и больше шириной и высотой до потолка. Шкаф поместился только в самую большую комнату, которую Назаровы по провинциальной привычке называли залой, и занял всю стену. Думали даже, что придется подоконник обрубить, но вроде обошлось, впихнули.

Как-то так вышло, что солдаты, заносившие и расставлявшие мебель, не сразу придвинули шкаф вплотную к стене, а оставили промежуток примерно в полметра. Татьяна указала им на это, но Назаров возразил:

- Не надо, оставьте так. Пусть будет.

- Зачем тебе это, Степа? - удивилась жена.

- А для детей, - улыбнулся тот. - Ребята ведь всякие тайники и укрытия страсть как любят. Помню, мы мальчишками на дереве себе шалаши делали. А наши-то дети городскими будут расти, без шалашей. Так пусть тут, за шкафом, играют.

Татьяна только плечами пожала. С ее точки зрения, эта затея была странной, но раз муж так хочет... Пусть будет, места в квартире хватит.

Солдатики, кое-как расставив мебель и сложив ящики и коробки туда, куда указала Татьяна, собрались уходить, но хозяйка не могла отпустить их просто так. Велела Кате накормить всех супом и напоить горячим сладким чаем. Солдаты поначалу пытались отнекиваться, скромничали, но Татьяна никаких возражений не приняла - люди работали, старались, как же можно их голодными отпустить?

Еще, наверное, неделя, а то и дней десять ушло на то, чтобы все распаковать, рассмотреть, отмыть-отчистить и расставить. Кое-что даже оказалось лишним. Часть Назаров вернул назад, а остальное Татьяна отдала Кате. Дома у Тамары Яковлевны до сих пор сохранились подаренная ее матери горка для посуды и пара венских стульев.

Разобрав вещи, решили отпраздновать новоселье - сослуживцы Назарова несколько раз намекали, что неплохо было бы «обмыть» обновки. Степан с Татьяной решили, что позвать гостей - это неплохая идея. А заодно можно лично высказать Самойлову благодарность в неофициальной обстановке.

Всю пятницу Татьяна с Катей провели на кухне - готовили угощение, чтобы перед гостями не стыдно было. Катерина была за шеф-повара, а Таня у нее на подхвате: чистила сваренную в мундирах картошку, отделяла мясо от костей - на холодец, заворачивала в налистники начинку. Сколько-то уже готовых закусок Степан раздобыл в столовой на работе - готовили там не в пример

общепитам, очень прилично. Но не будешь же одними казенными харчами дорогих гостей потчевать.

Гости оценили угощение по достоинству.

– Да за такой обед можно и все на свете забыть, – шутил Самойлов. – Ох, как готовит твоя хозяйка, повезло тебе, браток.

– Да я не одна, я с помощницей, – простодушно призналась Таня, кивая на Катерину.

– Я уверен – без твоего руководства так вкусно бы не получилось, – не сдавался Самойлов. – Но смотри, она еще и скромная какая! Золотая женщина.

Один из офицеров принес с собой гитару. Весь вечер пели фронтовые песни, Таня расчувствовалась и всплакнула.

– Может, хозяйка нам сыграет на пианино? – предложил Самойлов, у которого от выпивки снова на душе потеплело и все люди казались если не братьями, то хорошими приятелями. Но Татьяна отказалась, сославшись на то, что фортепиано еще не настроено.

Это отчасти было правдой. Как ни берег Назаров инструмент в дороге, он все же немного пострадал за время путешествия из Берлина в Москву. А пригласить настройщика все руки не доходили. Муж целыми днями был на работе, а у Тани пока не было еще никаких связей и знакомств.

Но однажды ситуация изменилась. После новоселья к Назаровым чаще стали заглядывать в гости соседи, и одна из соседок, жена знаменитого артиста из Художественного театра, увидела пианино и поинтересовалась у хозяйки:

– Танечка, вы играете на фортепиано? Прелестно! Я так люблю музыку...

– Да, я играю... – чуть запнувшись, отвечала Татьяна. – Вернее, играла до войны. Но инструмент расстроен, а найти хорошего настройщика сейчас так трудно...

– А у меня как раз есть хороший настройщик! – заявила соседка. – Да какой! Просто волшебник. Берет, конечно, дорого, но можно часть оплаты отдать продуктами. Записать вам его телефон?

– Конечно, я была бы вам очень благодарна! – отвечала хозяйка.

Проводив гостей, Татьяна взглянула на часы. Еще не поздно, нет и десяти вечера – вполне удобно позвонить. Она набрала номер, ей ответил приятный мелодичный баритон. Договорились о встрече, и через пару дней Катя уже открывала дверь генеральской квартиры настройщику. Внешне он был неприметен – маленького роста, худой, какой-то тусклый, невыразительный. Но едва лишь увидел инструмент, прикоснулся к нему, открыл крышку, как преобразился, глаза заблестели, невзрачное лицо сделалось одухотворенным и даже красивым.

Катерине и в голову не могло прийти, что настройка пианино – это, оказывается, такое мучение. Несколько часов по всей квартире слышались отвратительные, режущие ухо звуки, от которых нигде было не спрятаться. Но наконец эта какофония закончилась, и настройщик позвал Татьяну:

– Принимайте работу, – сказал он.

Татьяна тут же села за инструмент и сначала робко коснулась пальцами клавиш, а потом начала играть. Она ничего не забыла за время войны. Пальцы хоть и огрубели, но в них осталась прежняя ловкость. Чудесные звуки наполнили комнату, а благодарные зрители – Катя и настройщик как зачарованные стояли рядом и слушали.

– Повезло вам, отличный инструмент достался, – сказал настройщик, когда Таня перестала играть. – Дочку небось станете музыке учить?

– А с чего вы взяли, что у меня будет дочь? – удивилась Татьяна. – Мы с мужем надеемся, что родится мальчик.

– Так по животу ж видно. Он у вас круглый – значит, девочка. Когда пацан, живот острый бывает, огурцом.

– Вот и я то же самое говорю, – поддакнула Катерина, – а Татьяна Сергевна не верит.

– Верьте, верьте, – кивнул настройщик. – Я знаю, что говорю. У меня трое парней. И каждый раз у жены живот острый был.

– У вас три сына? – женщины взглянули на него с уважением.

– Было... – Он горестно покачал головой. – А теперь вот ни одного. Три похоронки пришло. Ни сыновей не осталось, ни жены, она не пережила горя. Всех детей забрала проклятая война...

Получив щедрую оплату как деньгами, так и дефицитными продуктами – консервами, какао, шоколадом, – настройщик ушел. Катя вернулась к своим хозяйственным делам, а Татьяна просидела за фортепиано до самого вечера. Она чувствовала, что ребенку, кто бы он ни был, мальчик или девочка, нравится музыка.

С того дня Таня садилась за фортепиано каждый день. При посторонних она к инструменту почти не подходила – совестилась, как сказала бы ее покойная тетка, но играла для себя и для единственной невольной слушательницы – домработницы. Раньше, если не считать гармошки да балалайки в деревне, где жила родня мужа, Катерина слышала музыку лишь по радио, а теперь научилась различать произведения и знала весь репертуар хозяйки. У нее было несколько любимых мелодий, которые она иногда просила Татьяну сыграть. Особенно нравилось Катерине вступление к «Лунной сонате», она каждый раз чуть не плакала, слушая его.

– Не буду я тебе больше Бетховена играть, – усмехалась Татьяна, поглядывая на домработницу. – Вон у тебя опять слезы...

– Да это ничего!.. – отвечала Катя, промокая глаза уголком фартука. – Зато как на душе светло!

Тем временем настал апрель, сделалось по-настоящему тепло. В Москве растаял снег, появилось много солнца и много улыбок на лицах переживших войну людей. Все с нетерпением ожидали первой годовщины Победы. Советские люди еще не знали, что уже через два года вождь отменит всенародный праздник,

сославшись на непосильную для разоренной войной страны затратность как парадов войск и военной техники, так и остановки производства из-за выходного дня. 9 мая делается обычным рабочим днем, и так будет продолжаться еще целых семнадцать лет.

Однако в том году народу еще дозволено было праздновать, и люди праздновали. В Москве, в столицах союзных республик, в Ленинграде, Сталинграде, Севастополе, Одессе гремели, расцветая в ночном небе многоцветными огнями, красочные салюты. Степан и Татьяна смотрели салют прямо с балкона и мечтали, как совсем скоро будут любоваться фейерверками уже втроем, с ребенком. Выйти погулять им в этот день не удалось. Татьяна была уже на последнем месяце и чувствовала себя совершенно измотанной – болела поясница, было тяжело дышать, да и толчки ребенка, первое время так радовавшие, становились все болезненнее.

– Скорей бы уже, сил нет терпеть, – вздыхала Татьяна, поглаживая огромный живот.

– Ну, уже немного осталось, – утешал Степан. – Родишь – отдохнешь.

– Какое там! – Таня с усмешкой поглядела на мужа. – Тогда-то самые трудности и начнутся. Маленький будет столько внимания и сил требовать... Особенно первый год. Пеленки, кормежка, зубки, плач по ночам...

– Ничего, справимся! – не унывал Степан. – Если уж мы войну пережили, то и эту заботу как-нибудь переживем.

– Ох, поскорее бы... Устала я уже. Как хочется уже снова стать прежней, стать собой. Ходить нормально, не выматываться, не чувствовать одышки... Туфли самой застегивать, наконец.

– Будто я плохо тебе туфли застегиваю, – в шутку обиделся Степан.

– Ты самый лучший муж, – заверила Татьяна. – Но не могу я чувствовать себя настолько беспомощной. Не привыкла...

К счастью, ждать и впрямь оставалось недолго. Ребенок появился на свет уже через три дня. И это была девочка – правы оказались в своих прогнозах настройщик и Катерина. Мать Тамары особенно гордилась своим предсказанием, а Татьяна немного побаивалась, что муж расстроится из-за того, что родилась дочь, а не сын. Но ее опасения оказались напрасны. Назаров был на седьмом небе от счастья.

– Знаешь, Катя, – делился он с домработницей, до блеска драившей квартиру к возвращению хозяйки из роддома, – я вот этого никогда не понимал – как можно такого ребенка хотеть, а такого не хотеть... Это ж твой ребенок, твоя кровинушка... Какая разница, мальчишка он или девчонка, белобрысенький или черненький... Да хоть – как там в фильме «Цирк»? – хоть розовенький в полосочку, хоть серый в яблочко! Меня когда спрашивают, кого, мол, хочешь, Степан Егорыч, сына или дочку, я всегда отвечаю: «Ребенка». А теперь Танюшка меня в записке спрашивает, не расстроился ли я из-за того, что у нас девочка, а не мальчик. Смешно даже!

Имя для дочери Назаровы выбрали быстро, назвали Ольгой – так звали покойную маму Татьяны. Степан души не чаял в своей Олечке, хоть и видел ее не слишком часто – у него было много работы, домой каждый день возвращался поздно, смертельно уставший. А чуть свет – снова на ногах, в восемь его уже дома нет, и не только в будни, но случалось, что и в выходные, и в праздники. Татьяну, конечно, это огорчало, но особенно переживать было некогда. Переложив все хозяйственные хлопоты на домработницу, она теперь занималась только ребенком и посвящала дочке все свое время, всю себя.

Второе послевоенное лето выдалось тяжелым, бо?льшую часть страны поразила жесточайшая засуха. Были и голод, и нужда, и болезни... Но генеральскую семью трудности затронули минимально. Татьяне не нужно было ни часами отстаивать в магазинах очереди за продуктами, ни рвать последнюю рубашку на пеленки, ни носить дочь на прививку в поликлинику, где измученные исхудавшие матери с кашляющими детьми, ожидая своей нескорой очереди, делились страшными историями, как в той или иной семье младенец умер от скарлатины или воспаления легких. У Назаровых была возможность и врача на дом пригласить, причем из лучших специалистов Москвы, и дефицитные медикаменты достать, и обеспечить нормальное питание как малышке, так и ее матери. Татьяна даже марлевые подгузники для дочки ни разу не постирала – этим занималась домработница. Так что первый год жизни Оли прошел на удивление легко.

Ни в ясли, ни в детский сад Назаровы отдавать дочь не хотели, Таня решила заниматься Олей только сама. Но очень скоро она поняла, что сидеть целыми днями с ребенком в четырех стенах ей скучно. Ей стало казаться, что она закисло, обабилась. Стоя перед зеркалом, она с грустью рассматривала свою располневшую после беременности и родов фигуру и жаловалась Кате, что совершенно утратила привлекательность. А что, если Степан начнет поглядывать на других женщин? Вон у него на работе их сколько! И не только уборщицы да буфетчицы, но и секретарши начальников, и даже специалистки отделов и начальницы из бывших фронтовичек. Есть молодые, есть постарше, но все ухоженные, уверенные в себе и зачастую одинокие, так как в послевоенное время на десять девчонок приходилось даже не девять ребят, а куда как меньше. Но при этом каждая из них надеялась все же устроить свое женское счастье.

Кому-то счастье нужно было устраивать, кому-то – не упускать. Татьяна начала заботиться о своей внешности и делала это куда старательнее, чем в юные годы. Да и возможностей у нее теперь было больше. Она шила платья у лучших московских портних, приглашала на дом модную парикмахершу, принимала ванны с травами или хвоей, делала маски для лица: огуречную, клубничную, овсяную, яблочную, лимонную – смотря по сезону – и каждый вечер мазалась самодельным кремом на основе сметаны, рецепт которого ей дала знакомая оперная певица.

И все равно Татьяна была собой недовольна. Не хватало чего-то, какого-то увлечения, какого-то дела, которому можно было бы себя посвятить, быть полезной обществу, быть значимой для себя самой. Ребенок отнимал много сил, но чем взрослее становилась Оля, тем больше у Тани появлялось свободного времени и тем чаще она задумывалась о том, что нужно чем-то заняться. Только она не знала чем. О работе не могло быть и речи, не было тогда принято, чтобы генеральские жены работали. Опять же ребенок маленький... Да и где работать-то? В больнице медсестрой? И жалко, очень жалко было огрубевших рук. Если бы руки были прежними, можно было бы продолжить заниматься музыкой, а так...

Чтобы как-то отвлечься, Татьяна начала ходить по концертам, театрам и музеям, и это ее по-настоящему увлекло. Как-то сами собой завязались нужные знакомства, в доме стали появляться интересные люди. Художники звали Назаровых на свои выставки, писатели дарили авторские экземпляры книг, актеры приглашали на спектакли со своим участием. Жизнь стала интересной, и

Татьяна почувствовала себя по-настоящему счастливой. С радостью она делилась всеми новыми открытиями и впечатлениями со Степаном, и если он был не слишком уставшим, по вечерам обязательно волокла его «в люди».

Что касается Степана, то новое увлечение жены рождало в нем двойственное чувство. Конечно, ему нравилось видеть Татьяну радостной и воодушевленной – но ее новые знакомые вызывали у него тревогу. В силу своего положения Назаров слишком хорошо понимал, насколько опасно в Советском Союзе быть представителем творческой профессии. Одно неверное слово или чей-то донос – а завистников в этой среде немало – и все, на судьбе литератора или художника можно ставить крест. Угроза распространялась не только на него и его семью, но и на всех, кто их знал, кто с ними дружил или даже просто общался с ними. В один вечер могли арестовать неугодного поэта или драматурга, в другой уже вызывали «для беседы» тех, с кем тот поддерживал контакты. Это касалось далеко не только творческих людей. Все, кто занимал руководящие должности, тоже, как сказали бы сейчас, входили в группу риска, и Степан Егорович не мог этого не понимать.

– Может, нам еще ребенка завести, а, Танюша? А то и двоих... – спрашивал он у жены.

– Да, сынишки нам не хватает, – соглашалась Татьяна.

Однако со вторым ребенком так ничего и не получилось. И всю свою любовь и заботу супруги отдавали единственной дочери.

* * *

Меркулов заслушался Тамару и потому особенно удивился, когда рассказчица вдруг прервала историю.

– Про Ольгу я так подробно рассказать не смогу, – словно извиняясь, проговорила Тамара. – В это время моя мама у Назаровых не работала – у них с отцом неожиданно родилась я.

– Как жаль, – покачал головой Вилен. – Такая интересная история прерывается...

Меркулов хотел таким образом сказать комплимент своей собеседнице, выразить восхищение ее мастерством рассказчицы – но Тамара, очевидно, не совсем правильно его поняла. Она на минуту задумалась, а потом улыбнулась.

– Слушайте, а у меня есть идея, как вам помочь! – просияла она. – Тут неподалеку живет моя знакомая, Мария Альбертовна. Она из обрусевших испанцев. Ее отец переехал в Советский Союз во время гражданской войны в Испании, воевал в Великую Отечественную и был женат на русской. Но Мария все равно считает себя испанкой. Так вот, эта Мария, она меня старше на шесть лет, в детстве была задушевной подругой Оли Назаровой, они в школе за одной партой сидели. Хотите, я ей позвоню?

– А это удобно? – засомневался Вилен. Интуитивно он чувствовал, что история «того самого» шкафа еще только начинается, и был совсем не против, если появится еще один рассказчик. Тем более рассказчица.

– Да почему же нет? – улыбнулась собеседница. – Думаю, Мария, как и все мы, будет только рада вспомнить добрые старые времена. Надо только решить, как нам встретиться.

– Знаете что, Тамара Яковлевна, – предложил Меркулов. – У меня тут возникла идея. А что, если нам втроем сходить в кафе? Я приглашаю. Если хотите, могу встретить вас с Марией, где вам будет удобно, и отвезти на своей машине. Тут неподалеку, на Петровке, есть чудесное местечко, я его очень люблю. Там уютно, мало народу, а главное, тихо, нет этой жуткой, орущей во всю глотку музыки, как во многих других заведениях. У них отличный выбор оригинальных салатов и десерты замечательные... А? Как вы на это смотрите?

– Ну что вы такое придумали, вот еще, на кафе деньги тратить, там же цены, наверное, космические! – смутилась консьержка.

– Но послушайте, Тамара Яковлевна, – стал настаивать Меркулов. – Вы мне уделите столько времени, и дальше я надеюсь отнять у вас не меньше. Я человек деловой, понимаю цену этому самому времени и чувствую себя вашим должником. Позвольте сделать вам приятное, отблагодарить хоть немного. Тем более Мария Альбертовна, о которой вы говорите... Не здесь же нам с ней беседовать!..

Тамара Яковлевна на минуту задумалась. По ее простому открытому лицу ясно читалось, что ей очень хочется «выйти в свет», но она боится, как бы в этом предложении не крылся какой-то подвох. Немного поколебавшись, женщина, наконец, произнесла:

– Я позвоню Марии Альбертовне. Если она пойдет, то и я составлю вам компанию.

Она вытащила из ящика стола растрепанную записную книжку, отыскала нужную страницу, придвинула к себе стоявший на столе стационарный телефонный аппарат и набрала номер. К удовольствию Меркулова, русская испанка оказалась дома и после довольно-таки продолжительных переговоров и расспросов, кто, что и зачем, согласилась принять его предложение.

Закончив преувеличенно любезный разговор, консьержка повесила трубку и сообщила:

– Мария завтра вечером свободна. Она сказала: очень хорошо, что вы заинтересовались Назаровыми, это была во всех отношениях достойная семья.

– Что ж, я очень рад, что вы любезно согласились еще потерпеть мою компанию, – улыбнулся Меркулов.

– Что вы, Вилен Петрович! – Тамара даже слегка возмутилась. – Нам будет очень приятно.

Вскоре после этого в кармане пальто Меркулова зазвонил сотовый – водитель грузовой машины сообщил, что подъезжает. Вилен обменялся со своей новой знакомой номерами телефонов (она дала ему свой домашний и рабочий телефон, он – и домашний, и мобильный), как можно более галантно простился с Тамарой и отправился хлопотать насчет шкафа.

Он проследил, чтобы грузчики аккуратно вынесли и загрузили в машину трофейный (теперь в этом уже можно было не сомневаться) гардероб, встретил его у себя в мастерской, осмотрел уже гораздо внимательнее и остался доволен. Для своего «возраста» шкаф был в очень хорошем состоянии, привести его в порядок будет совсем несложно. Вилен взялся составлять план реставрационных работ, но мысли его то и дело перескакивали на другой

предмет – на сегодняшнее неожиданное знакомство и завтрашнюю встречу. Скромный и милый образ Тамары то и дело возникал перед ним, заставляя отвлекаться от дел.

Что греха таить – Вилен Петрович был благополучен, но не был счастлив. И это казалось несправедливым, неправильным, неудачным стечением обстоятельств – ведь Меркулов всегда был и оставался неплохим человеком. Во всяком случае, с женщинами он всегда вел себя как порядочный человек. Да и во всем остальном тоже особенно не в чем было себя упрекнуть. Свое не вполне честное начало бизнеса компенсировал тем, что занимался благотворительностью. Делал он это тихо, без лишнего шума и кривляний перед прессой – просто помогал тому, кто в этом действительно нуждался. На свои деньги привел в порядок площадку детского сада в близлежащем поселке, регулярно спонсировал покупку оборудования и медикаментов для местной больницы и лично полностью оплатил лечение нескольким знакомым знакомых, кому требовалась дорогостоящая операция. Такие люди постоянно находились, поскольку круг общения у Меркулова был довольно широк – многочисленные клиенты, партнеры по бизнесу, далекие приятели и близкие друзья... Среди его знакомых было немало женщин, некоторые из них были Вилену симпатичны, но как-то так вышло, что ни с одной из них у него не завязались близкие отношения. Личная жизнь почему-то у него совсем не складывалась. Как развелся с женой одиннадцать лет назад, так новой семьи и не создал.

Приятели подшучивали над ним по этому поводу, ведь свободных женщин за пятьдесят гораздо больше, чем мужчин, – выбирай не хочу. А Вилка, как шутливо называли его друзья, все неженатиком ходит. И ладно, если бы это было его жизненной позицией, осознанным выбором! Будучи уже пожилым человеком, Меркулов очень хотел семейного тепла, и если не детей (какие дети в его возрасте, даже усыновить не разрешат), то хотя бы приятную и понимающую спутницу жизни. И все же оставался одиноким. Особенно было тяжело ощущать это одиночество в праздники, которые практически все знакомые отмечали со своими семьями, супругами, детьми. В такие дни Меркулов старался загружать себя работой, а вечером, выпив легкого вина и посмотрев хороший фильм, побыстрее отключиться, чтобы пустое пространство его вроде бы благополучной жизни не так давило тишиной.

Засыпая, Вилен с удовольствием думал о завтрашнем дне и предстоящей встрече с симпатичной Тамарой Яковлевной и пока еще незнакомой ему Марией. Они пойдут в кафе, с удовольствием там посидят, женщины расскажут ему

продолжение заинтересовавшей его истории шкафа – Меркулов догадывался, что ему предстоит услышать еще много любопытного. А потом, кто знает, может быть, с одной из этих женщин он встретится еще раз-другой и, глядишь, у них что-то завяжется...

Наутро Вилен чувствовал себя бодрым и свежим, даже как будто помолодевшим. Ни одна из уже ставших привычными болячек сегодня его не беспокоила. Он даже проснулся раньше обычного. Вилен годами приучал себя к дисциплине, ложился всегда в десять и вставал в семь – давняя привычка, которой он очень гордился. Распорядок его дня был выверен, как швейцарские часы. А тут его словно что-то подбросило еще до звонка будильника – разбудил то ли запах весны из приоткрытого окна, то ли ощущение полноты жизни... Вилен не знал, что именно подняло его в такую рань, но это явно было что-то приятное.

Он постарался быстрее закончить с делами и выехать пораньше, чтобы дамам не пришлось его дожидаться. Теоретически застрять в пробке ему не грозило, поскольку машина должна была двигаться в противотоке – но кто знает, как оно повернется... московские улицы непредсказуемы.

К вечеру сделалась холоднее, поднялся небольшой ветер. Меркулов встретил идущих под руку приятельниц у двери ресторана, поздоровался и, галантно поклонившись, пригласил пройти внутрь.

Ему действительно нравился этот ресторанчик, оформленный в винтажном стиле. Здесь было дороговато, но уютно и немногочленно, а спокойная музыка середины минувшего столетия звучала тихо, не мешая посетителям разговаривать и не заставляя их повышать голос.

Войдя в ресторан, Меркулов испытал минутную неловкость. Нужно было помочь дамам снять шубки, и он не сразу решил, за какой из дам первой поухаживать. Выручил гардеробщик, сделавший шаг навстречу Тамаре Яковлевне. Та благодарно улыбнулась, а Меркулову оставалось помочь снять шубку Марии.

Он сразу обратил внимание, насколько разные эти две женщины. По словам Тамары, Мария была старше ее на шесть лет, то есть почти ровесница Вилен, – но при этом она великолепно выглядела и казалась моложе своей приятельницы. Умело наложенный макияж, элегантная короткая стрижка и очки в модной оправе. В отличие от пухленькой Тамары, одетой в скромное темно-

серое платье с брошью у ворота, худощавая Мария была облачена в стильный брючный костюм сочного лилового цвета, а на ее шее был красиво повязан шарфик с ярким узором.

Столик с удобными мягкими диванчиками был зарезервирован заранее. Дамы расселись, полистали меню, поохали над ценами. Вилен, как этого требовала ситуация, уговаривал спутниц не стесняться.

– Поверьте, девушки, вы меня не разорите, даже если закажете все меню от корки до корки, – заверил он. Обращение «девушки» Тамаре и Марии понравилось, они заулыбались, и по этим улыбкам сразу стало легко представить, как обе они выглядели в юности.

Наконец, трудный выбор был сделан, заказали легкий ужин и по бокалу хорошего вина. Когда официант отошел от их столика, Мария повернулась к Меркулову.

– Так вы хотите, чтобы я рассказала вам об Оле Назаровой? – осведомилась она. – А что конкретно вас интересует?

– Все, – не задумываясь, ответил он. – Вся ее жизнь, вся судьба. Как вам уже сказала Тамара, все началось с большого шкафа... Но сейчас мне хочется узнать не только его историю, но и всю историю семьи Назаровых. Чем подробнее, тем лучше.

При упоминании о шкафе обе женщины почему-то сначала нахмурились, потом переглянулись.

– Ну, про шкаф вам, пожалуй, Тамара расскажет, – проговорила после паузы Мария. – А про Оленьку с удовольствием расскажу я. Мы с ней крепко дружили, с первого до десятого класса за одной партой сидели. Вы ведь, наверное, помните, что раньше раздельное обучение было? Мальчики учились в одних школах, девочки – в других.

– Помню, конечно, – кивнул Вилен. – Мне десять лет было, когда вышло постановление объединять школы. Помню, наш класс тогда разделился на две группы – одни даже рады были слиянию, зато другие ни в какую не хотели учиться вместе с девчонками, кое-кто даже хотел школу бросить...

– А вы, Вилен Петрович, в какой группировке состояли? – Тамара Яковлевна улыбнулась не без лукавства.

– Я держал нейтралитет, – с усмешкой отвечал Меркулов.

– У нас такого не было, – покачала головой Мария. – Может, потому, что мы были поменьше.

– Да и все-таки девочки, – поддакнула Тамара. – Девочки обычно и ведут себя в школе лучше мальчишек, и учатся успешнее. Вот вы с Олей, насколько я знаю, обе отличницами были.

– Ну, я-то в круглых отличницах никогда не ходила, – тут же возразила Мария. – У меня и четверок много было, даже и в четверти, случалось, что и тройки попадались. А Оля – та да, училась очень хорошо.

Глава третья

Барышня и хулиган

В детстве дочка Назаровых только радовала – росла скромной, послушной и прилежной. И к первому классу оказалась более чем подготовленной: Татьяна ее и считать научила, и читала Оля бойко, и буквы сама карандашиком выводила – правда, пока еще печатные. При приеме в школу учительница даже головой покачала: девочка перегнала программу. Как бы это не вышло боком...

– А что такое? – удивилась и забеспокоилась Татьяна.

– Ну как «что»? Привыкнет, что ей все легко дается, будет скучать на уроках, разболтается, потом не соберешь. Вам придется за этим проследить.

– Проследим обязательно! – заверила Татьяна.

И слову своему осталась верна, все младшие и средние классы пристально следила за тем, чтобы дочь хорошо училась, не ленилась делать домашние задания, не пропускала то, что ей неинтересно. И лишь немного отпустила вожжи, когда поняла: дочку уже не нужно так тщательно контролировать, она сама себе теперь самый строгий и требовательный надзиратель.

Школьную форму для Оли, как и для всех девочек ее круга, шили на заказ. Темно-коричневое шерстяное платье с нарядным белым воротничком и манжетами, чаще всего кружевными, и фартуком – в обычные дни черным, по праздникам – белоснежным.

Накануне первого сентября, когда Оля пошла в первый класс, Степан с Татьяной устроили праздник, им хотелось сделать этот день для своего единственного ребенка радостным и незабываемым. Накрыли роскошный стол, позвали друзей и знакомых, Оле подарили заграничную куклу, которая умела закрывать глаза и говорить «мама», а также много вещей, необходимых для школы: новенький, остро пахнущий кожей портфель, стопку тетрадей в клетку и в косую линейку, пачку розовой бумаги, чтобы оборачивать в нее учебники, красивую ручку-вставочку и коробочку перьев к ней, пузатую чернильницу, деревянный пенал, заграничный ластик, наполовину красный, наполовину синий, и набор цветных карандашей. Далеко не каждый первоклассник в середине пятидесятых мог похвастаться таким богатством, большинство были «экипированы» куда скромнее.

В то время специальных элитных школ для детей сливок общества еще не существовало. Недалеко от дома, в здании, окна которого смотрели на тихий переулок, учились и генеральская дочь Оля, и Мария, чьи родители были простыми инженерами, и какая-нибудь Нюра Кочеткова, мать которой мела улицу перед школой, а отца не имелось вовсе. Оле, которая никогда не ходила в детский сад и общалась в основном только с детьми друзей семьи, было очень нелегко влиться в подобный разношерстный коллектив. Может быть, именно поэтому она так сильно привязалась к Марии, более бойкой и уверенной. Девочек посадили за первую парту, на переменах они тоже были вместе, ходили по коридору, держась за руки, и иногда случалось, что Марии приходилось заступаться за свою новую подругу, когда ту пытался обидеть кто-то из одноклассниц. А та в ответ помогала Марии с учебой. Чтобы не огорчать родителей, Оля старалась получать только пятерки. И в младших классах нередко могла утром прийти заплаканная просто из-за того, что, по ее мнению, недостаточно хорошо подготовилась к уроку.

Общались девочки в основном в школе – у Оли было мало свободного времени, и Мария не сразу сумела понять почему. Однажды в каникулы подруга все-таки зашла к ней в гости, с удивлением и любопытством осмотрела их единственную комнату (семья Марии жила в коммуналке), а потом спросила:

– А где же у вас фортепиано?

– У нас его нет, – спокойно ответила Мария.

– Как это так? – изумилась Оля. – А как же ты занимаешься музыкой? Как готовишь уроки для музыкальной школы? Наверное, ты играешь на скрипке?

– Нет, – покачала головой Мария. – Я ни на чем не играю. Мне медведь на ухо наступил. Я даже когда по радио песню слышу, не могу узнать, что за песня, пока слова не запоют.

– С ума сойти, ты не занимаешься музыкой!

На лице Оли явно читался вопрос «неужели так бывает?». Для нее тот первый визит в гости к подруге стал настоящим откровением. До этого момента маленькая Оля была уверена, что все дети живут так же, как она, – ходят не только в обычную, но и в музыкальную школу, изучают историю музыки, нотную грамоту и тому подобные дисциплины, занимаются сольфеджио и каждый день, и в будни и в праздники, обязательно играют по три часа. И вдруг выяснилось, что, оказывается, у других детей все иначе!

Наверное, уже тогда Оля поняла, что не любит музыку. Ну, или, по крайней мере, впервые задумалась об этом. Однако тогда мысль отказаться от музыки ей и в голову не приходила. Больше всего на свете Оля боялась огорчить родителей. В отличие от подавляющего большинства других детей дома ее не наказывали, не то что не били, но даже не ругали, не ставили в угол, не лишали прогулок и сладкого. Но стоило девочке провиниться, мама расстраивалась так, будто случалась настоящая трагедия. И Оля, рыдая горячими слезами, умоляла Татьяну: «Только папе не говори!» Ей казалось, что когда отец, придя со своей столь важной и ответственной работы, узнает, какая плохая у него дочь, произойдет что-то из ряда вон выходящее и совершенно ужасное. Например, папа навсегда перестанет ее любить. Так что Оля продолжала старательно заниматься музыкой и школьными уроками – лишь бы родители были ею

довольны.

Первый год подружки проучились в женской школе, а на второй их «слили» с мальчишками. Для девочек этот опыт оказался очень важен. Во многом, в том числе и потому, что они стали замечать, насколько же все люди на свете разные, как сильно отличаются их поведение, интересы, взгляды, ценности и образ жизни.

Однажды в праздничный день Мария была в гостях у Назаровых и стала свидетельницей разговора отца и дочери. Оля спросила у папы, почему другие люди живут не так, как они. Ютятся в коммуналках с одним туалетом на всех, не ездят на персональной машине, ходят в старой одежде и могут позволить себе конфеты только по праздникам. Почему так? Они что, хуже, чем он? Или меньше работают?

Услышав такие слова, Степан Егорович нахмурился.

– Никогда так не говори, Ольга! – строго сказал он. – В советской стране все люди равны, никто не лучше и не хуже. Просто пока мы еще не оправились от войны и на всех всего еще не хватает. Вот построим коммунизм – тогда у каждого будет и отдельная квартира, и машина, и конфет вдоволь, и всего остального. А пока у тебя есть что-то, чего нет у других, ты обязана вести себя достойно. Быть скромной, не кичиться, не хвастаться, не унижать других своим преимуществом. Все, чего мы с матерью добились, – добились своими руками, своим усердием, своим умом. С неба не свалилось. Но как у восточных людей считается стыдным набрасываться на еду с жадностью, каким бы ты голодным ни был, так и у нас в народе нехорошо нос задирать, если тебе удалось больше, чем кому-то другому. Вести себя нужно так, будто твои достижения для тебя не доблесть вовсе, а что-то обычное. Поняла?

– Поняла, – задумчиво кивнула Оля.

Этим наставлениям родителей она следовала всю жизнь. За годы дружбы Мария ни разу не столкнулась ни с высокомерием приятельницы, ни с пренебрежением. Оля всегда делилась с ней всем, что имела, – но делала это так естественно, что Марии бы и в голову не пришло воспринять купленное подругой мороженое или подаренный ею шарфик как подачку.

К средней школе Ольга так и не сошлась близко ни с кем в классе, кроме Марии. Русская испанка продолжала оставаться единственной подругой, с остальными ребятами у Оли были лишь хорошие отношения, не больше. Но все изменилось в шестом классе, когда учительница велела сильным ученикам взять шефство над отстающими, сама распределила, кто кому будет помогать, и не разрешила меняться, как ее ни просили. Марии тогда досталась в подшефные дочка дворничихи Нюра Кочеткова, а Оле – Мишка Архипов, первый хулиган не только в классе, но, пожалуй что, во всей школе. После того как огласили списки, Оля испугалась и чуть не расплакалась, но поделаться было уже ничего нельзя.

Надо сказать, что личностью этот Мишка был весьма приметной. В школу он пошел позже всех, только с восьми лет, да еще ухитрился дважды остаться на второй год, в четвертом классе и в пятом. Так что теперь ему было уже пятнадцать – в то время как большинству его одноклассников не исполнилось и тринадцати. К тому же Мишка для своих лет был хорошо развит физически, высок, силен и, что нельзя было не признать, довольно красив. На него уже заглядывались девушки, многие из которых были даже старше.

История семьи Архиповых была типичной – отец погиб на войне, мать работала в прачечной. Однако от ее копеечной зарплаты Мишка не зависел, деньги на кино, «Беломор» и прочие жизненные удовольствия у него всегда водились. Где он их брал, подруги могли только догадываться. Поговаривали, что Мишка состоит в какой-то уличной банде. Возможно, это и было правдой, во всяком случае, финский нож он в кармане носил всегда.

Самое интересное, что глупым, недалеким и тем более недоразвитым, как та же Нюра Кочеткова и большинство отстающих учеников, Мишка не был. Даже напротив – соображал он неплохо, и память у него была отличная. При других обстоятельствах он мог бы вполне прилично учиться, да только не хотел этого, не считал нужным тратить время на занятия, когда можно было посвятить его чему-то куда более интересному. Он и в школу-то ходил от случая к случаю, только в те дни, когда скучал и не знал, куда себя деть. А из всех уроков признавал только историю, преподаватель которой, фронтовик, сильно прихрамывавший на левую ногу, умел настолько интересно рассказывать о былых временах, что никаких книг, никакого кино было не надо. Только этого учителя Мишка уважал и вел себя с ним вежливо, других же он ни во что не ставил, мог нагрубить им или без разрешения выйти из класса прямо посреди урока.

Вот такой подшефный достался Оле, скромнице и отличнице. Конечно, Оля сначала испугалась и заволновалась. Однако не отступилась.

На первое занятие после уроков с отстающими Мишка явился исключительно из любопытства, но делать ничего не стал. Сидел, развалившись на стуле, острил, сам смеялся своим шуткам, поддразнивал Олю и наотрез отказался решать задачи по математике. Тем не менее пришел и на второе занятие, и на третье. А на четвертом вдруг предложил Оле что-то вроде сделки. Он, так и быть, сделает упражнения по русскому – а она за это сходит с ним в кино. Оля возмутилась, покраснела до слез. Потом оглянулась по сторонам, не слышал ли их еще кто-то из сидящих за другими партами шефов и подшефных... И согласилась. Впервые в жизни соврала родителям, что завтра придет поздно еще из-за одного дополнительного занятия, а сама отправилась в кино в компании первого хулигана школы.

Они посмотрели знаменитых «Королевских пиратов», как назывался в российском прокате голливудский фильм «Морской ястреб». Фильм произвел на Олю неизгладимое впечатление. Раньше она не видела ни этой картины, ни других подобных – родители считали, что приключения девочке будут неинтересны, а «про любовь ей еще рано». Однако сама Оля была иного мнения и пришла в восторг от главного героя, благородного пирата и романтического красавца. Она тут же по уши влюбилась, правда, сама не поняла, в кого – то ли в персонаж, то ли в актера, исполнявшего главную роль, то ли в своего одноклассника, который пригласил ее на фильм.

С того первого, но далеко не последнего совместного похода в кино и началась дружба генеральской дочки-отличницы со второгодником. Оля считала, что на самом деле Миша совсем не глупый и не хулиган, она была уверена, что в душе он хороший и добрый, просто попал в дурную компанию – но ей мало кто верил, разве что Мария, и та с оглядкой. Впрочем, по отношению к Ольге Миша и правда вел себя достойно. Конечно, он не полностью исправился, такого не бывает, но, по крайней мере, стал чаще появляться на уроках и выполнять домашние задания. Через два года он с грехом пополам окончил восьмилетку, и учителя свободно вздохнули, избавившись от проблемного ученика.

Однако и после того как Миша покинул стены школы, их дружба с Олей не прекратилась. Они продолжали общаться. Она носила ему приключенческие книги из родительской библиотеки и старалась внушить мысль, что ему нужно отнестись серьезнее к своей жизни. Мишка принимал заботу подруги

снисходительно, взамен одаривал ее своей опекой, встречал по вечерам из музыкальной школы и провожал до дома. Все хулиганы округи боялись даже посмотреть в ее сторону – знали, что в ином случае им несдобровать, влетит от Архипа под первое число.

Что до родителей Ольги, то первое время они не видели в этой дружбе ничего плохого. Они знали лишь, что их дочь вместе с другими лучшими учениками класса шефствует над отстающими – но понятия не имели, насколько далеко зашло это шефство. И даже когда соседки стали нашептывать Татьяне, что Олю слишком часто видят по вечерам с Мишкой, та сперва не слишком встревожилась. Ну, провожает мальчик девочку из музыкальной школы домой – и хорошо, так даже спокойнее. Миша – не такой уж плохой парень, симпатичный, неглупый. А в том, что безотцовщина, он не виноват, время такое... Однако чем старше становилась Оля, тем все больше стала тревожить маму ее дружба с Мишей. Оле сначала мягко, потом уже более настойчиво стали намекать, что общение с таким человеком ни к чему хорошему не приведет. Однажды, когда Татьяна застала поздним вечером Олю и Мишу в темной подворотне, где они держались за руки и прижимались друг к другу лбами, как герои фильма «Верные друзья» в финале картины, в благородном семействе случился грандиозный скандал. Родители выступили единым фронтом, убеждая дочь, что в ее годы надо думать об учебе, а не о парнях – тем более с такой сомнительной репутацией, как у Архипова. Которого даже в армию не призывают, поскольку у него были приводы в милицию. И раз до окончания учебного года осталось всего несколько дней (дело происходило в конце мая), то сразу же после этого Ольга отправится на дачу.

Пятнадцатилетняя Оля, как водится, поплакала, пообижалась на родителей, пожаловалась подружке на несчастную судьбу, но на дачу поехала и за лето успокоилась. А Мишка за время их разлуки ухитрился уже не отделаться одним только приводом в милицию, а был арестован за драку, осужден и отправился в тюрьму. А отсидев, домой уже не вернулся. Говорили о Мише Архипове разное: одни считали, что он подался куда-то на Север или на Дальний Восток, другие уверяли, что он окончательно встал на кривую дорожку и с тех пор так и мотается по тюрьмам.

Оля о Мише известий не имела и больше никогда его не видела. Но воспоминания о нем сохранила на всю жизнь. Что-то Мишка изменил в ней все же, оставил какой-то след в душе.

Пришло время Ольге получать аттестат зрелости. До того момента вопрос о выборе профессии в семье даже не обсуждался – никто, во всяком случае никто из взрослых, не сомневался, что после школы Оля будет поступать в консерваторию. Это было заветной мечтой Татьяны, которая днем и ночью грезилась, что дочь станет пианисткой, – ей помешала война, дочери же уже не будет никаких помех. У Оли был настоящий талант и великолепная техника, абсолютный слух – музыка была ее призванием. Когда дочь играла на фортепиано, Татьяна закрывала глаза и уносилась в своем воображении в будущее. Ей виделись концертные выступления знаменитой пианистки Ольги Назаровой, полные залы, аплодирующие стоя зрители, цветы, афиши, международные гастроли... Оля ее никогда не разочаровывала. Другие девочки скакали через прыгалки и гоняли по «классам» жестянку из-под ваксы, она же играла гаммы, будто и не слыша веселых голосов, доносящихся со двора через открытые окна.

Время шло, подруги росли, бегали в кино, в драмкружки, мечтали стать актрисами – Оля играла сложные этюды. Затем девочки повзрослели, стали встречаться с парнями, начались первые влюбленности, свидания, танцы и поцелуи – а Оля готовилась к выпускному экзамену в музыкальной школе. И лишь сдав его на «отлично», вдруг заявила родителям, что поступать в консерваторию не собирается и хочет прожить собственную жизнь, а не ту, о которой мечтала ее мать, но не сумела прожить.

Татьяна плакала, не могла понять – каким ветром принесло эту напасть. Оля всегда была такой послушной и тихой... Неужели все-таки сказалось влияние этого бандита Мишки?

Степан пытался успокоить жену, но видно было, что он и сам выбит из колеи неожиданным сообщением дочери. Как же так? Только вчера все было ясно, продумано, четко распланировано – и вдруг...

Оля стояла опустив голову, но во взгляде не было раскаяния. Родителей она любила всей душой, и ей нелегко далось решение выступить против идеи Татьяны насчет того, как именно должна сложиться жизнь ее дочери. Но в то же время что-то не только изнутри, но и извне подталкивало Олю к действиям. В то время в воздухе действительно что-то витало, передавалось от человека к человеку; это было еще легкое дуновение, самое-самое начало того ветра перемен, который в конце концов вырос до урагана и разрушил колосса, гордо именовавшегося нерушимым союзом и великой державой. Уже всю шла

«хрущевская оттепель», и не за горами был «Митинг гласности» на Пушкинской площади, ставший чуть ли не первым в социалистической истории открытым выражением политической активности.

В те годы Ольга по молодости лет еще не готова была противостоять общественному строю. Но уже тогда тихая и послушная девочка дозрела до бунта внутрисемейного. И эта решимость в ней оказалась достаточно прочной, чтобы выстоять перед слезами матери. Оля всегда ее жалела, всегда ей уступала. Но сейчас – не могла. И в конце концов, разве мать не желает своему ребенку – в первую очередь – счастья? А как можно быть счастливым, если не занимаешься любимым делом?

– Но какое же дело у тебя любимое? – огорченно вздохнула Татьяна.

– Я хочу быть ученым. Мне нравится наука. Химия, – выпалила Ольга.

– Но это же... скучно! – удивилась Татьяна.

– Нет, это не скучно! – горячо возразила Оля. – Это – мое. Пойми, мама, я никогда не чувствовала, что у меня настоящий талант. Я училась музыке лишь потому, что этого хотела ты. Мне нравятся некоторые вещи, возможно, я еще буду играть. Но только в свободное от работы время, в качестве хобби. Я не хочу делать музыку своей жизнью! Мне интересно совсем другое. Наука не скучная, она... серьезная. И очень-очень нужна сейчас нашему обществу, нашей стране! Ведь мы живем в эпоху великих открытий! Подумай – не так уж давно, в вашем с папой детстве, освоение космоса или телевидение казались сказкой, никто не верил, что такое возможно. А сейчас люди мечтают о космосе, а телевизор скоро будет в каждом доме. И химия сейчас важна, как никогда. Будущее за органической химией, за полимерами. Представь: еще немного – и нигде на Земле, даже в самых отсталых странах, не будет голода, потому что за производство продуктов будет отвечать химия, а не сельское хозяйство. Именно этим я хочу заниматься! А не музыкой.

Татьяна, выслушав дочь, с горечью всхлипнула. Повисла напряженная пауза, которую неожиданно прервал Степан Егорович.

– Танюшка, а дочка, пожалуй, права, – проговорил он. – Каждый человек имеет право на собственную жизнь, а не на ту, которую придумали ему родители. Тем

более когда этот выбор – не минутная блажь, а осознанное решение.

Татьяне до боли в сердце было жаль своих надежд, связанных с великим музыкальным будущим Оли, но с ее доводами и поддержкой Степана она ничего сделать не могла. Пришлось уступить. Оставалась слабая надежда, что Оля, которую в семье привыкли считать гуманитарием, провалит вступительные экзамены в институт. Но надежда не оправдалась, Ольга с первой же попытки поступила на химический факультет МГУ. И когда начала учиться, то и родителям, и ей самой стало понятно – она действительно нашла свое призвание.

* * *

– Вот такой она была, моя подруга Оля Назарова... – задумчиво проговорила Мария Альбертовна и поднесла бокал к губам. – Вы правы, Вилен, это действительно отличное вино.

– Рад, что не разочаровал вас, – улыбнулся Меркулов.

– Надеюсь, что и я вас не разочаровала, – ответную улыбку Марии вполне можно было назвать кокетливой. – Ведь то, о чем я рассказываю, пока не имеет никакого отношения к интересующему вас шкафу.

– Да и бог с ним, со шкафом, – заверил Вилен. – Вся история семьи Назаровых действительно очень любопытна, и я рад, что мне так повезло с рассказчицами. – Он повернулся к Тамаре, давая понять, что комплимент предназначен обеим дамам. – Знаете, когда я слушаю вас, вас обеих, возникает такое чувство... Словно смотрю хороший фильм. Нет, пожалуй, даже не так. Словно читаю книгу. В фильме ведь видишь только то, что хочет сказать режиссер и что играют актеры. А при чтении ты представляешь себе героев сам, сопереживаешь им, живешь вместе с ними. Так и я сейчас. Я как будто стал свидетелем описываемых вами событий. Заглянул в души всех этих людей, увидел их мысли и чувства...

Выражался Меркулов, как обычно, витиевато и старомодно, друзья постоянно подшучивали над этой его манерой. Однако его спутниц это не смущало, скорее даже наоборот, нравилось им.

– Еще вина? – спросил Вилен, заметив, что бокал Тамары опустел.

– Нет-нет, не спешите, – отказалась та. – Разве что чуть позже.

– А мне, пожалуй, можно, – разрешила Мария. Сделала еще несколько глотков и продолжила свой рассказ.

Глава четвертая

Свадьба с приданым

Многие люди, получившие высшее образование, считают, что студенческие годы были самым лучшим, самым счастливым временем в их жизни. Оля Назарова тоже так считала. Ей настолько понравилась учеба в университете, что даже скучноватые общеобразовательные предметы, из тех, которых на младших курсах всегда больше, чем специальных, все равно шли у нее «на ура». А уж химию она обожала. В университете все было не как в школе, гораздо сложнее, глубже. Объем материала громадный, требования высокие – МГУ как-никак. Но именно это Оле и нравилось. Она привыкла много работать, прилагать усилия, ставить себе труднодостижимые цели и добиваться их. То, что легко давалось, само шло в руки, Ольге никогда не было интересно.

Однако студенческая жизнь для нее не ограничивается только учебой. В школе Оля была далека от активной общественной жизни – просто не хватало времени. В университете все стало по-другому. Узнав, что Ольга окончила музыкальную школу, однокашники сразу выбрали ее культоргом курса, а через два года она вошла в факультетский комитет комсомола. И начались всевозможные вечера, самодеятельные концерты, капустники, совместные походы в кино и театры... Все это увлекало Олю намного больше, чем ежедневные музыкальные упражнения. А были же еще поездки по городам России, и походы в лес с неизбежными песнями у костра, и прогулки по Москве, и посиделки в кафе-мороженом... И, конечно, книги, одна интереснее другой. Книги, которым повезло быть изданными во времена оттепели – немного раньше или немного позже цензура бы уже ни за что их не пропустила. Книги эти зачитывались до дыр, постоянно переходили из рук в руки и часто давались только на одну ночь, потому что утром их нужно было передать следующему в огромной очереди.

В университете у Оли появилось совершенно иное окружение. Раньше ее общение со сверстниками было сведено до минимума и ограничивалось лишь школой. Но в школе у них была разношерстная публика, и только с немногими ровесниками, Марией, да еще с несколькими ребятами и девочками Оля сдружилась по-настоящему. Остальные относились к ней с недоверием, завидовали, что у нее высокопоставленный папа и что сама она отличница, держится особняком, «задирает нос», «считает себя самой умной». А здесь, в университете, чуть ли не все были «самыми умными», но при этом почти никто «нос не задирает». Большинство окружавших Олю студентов были интересными людьми, и никому не было дела до того, из какой она семьи. Илья Рябов, например, узнал, кем является Олин отец, лишь после того, как сделал ей предложение.

На этого высокого, худощавого и оттого казавшегося нескладным парня с умными насмешливыми серыми глазами, прятавшимися за стеклами очков, Ольга обратила внимание не сразу. Первое время, как это нередко бывает, большинство парней и девушек с курса сливались для нее в единую массу – пусть в целом довольно симпатичную, но все равно массу. Только потом, спустя месяц-другой учебы, когда Оля немного попривыкла и начала знакомиться с сокурсниками, – вот тогда она уже стала отличать и Илью. Ей понравились его ум, обаяние, остроумие и серьезность. Но более всего – его увлеченность. Видно было, что этот парень в университете не случайный гость, что действительно интересуется химией, знает и понимает ее, а не просто случайно выбрал факультет, отдав дань моде, как некоторые их однокашники. К моменту поступления Илья, казалось, прочел все доступные популярные издания о химии и чуть ли не добрую половину научных. У него даже имелась специальная толстая тетрадь в клеенчатой обложке, которую он превратил в своеобразный каталог книг и журналов по специальности. Илья был в курсе всех последних мировых открытий в области химии, так как постоянно читал все новые статьи и книги, причем не только на русском, но и на английском и немецком. Через некоторое время Ольга узнала, что Илья специально выучил эти языки, чтобы знакомиться с трудами зарубежных ученых. Статьи в журналах он читал, не пользуясь словарем, и понимал каждое слово, но когда одна из девочек попросила целиком перевести текст песни «Битлз», Илья не справился с этой задачей. Оказалось, что он не знает некоторых самых обычных общеупотребительных слов.

– Мне это не нужно, – с усмешкой заявил он. – В тех текстах, которые меня интересуют, слова «погребок» или «крыльцо» не встречаются. А если они

попадутся мне в художественной литературе, я всегда могу посмотреть их значение в словаре.

Друзья стали поддразнивать его цитатой из Козьмы Пруткова: «Специалист подобен флюсу». Но Ольга в отличие от остальных поглядела на Илью с уважением. Ее подкупили его упорство, умение отсекалть все ненужное, что может помешать на пути к поставленной цели. Ведь это очень здорово, когда человек с юных лет готов не размениваться на мелочи. С такой жизненной позицией действительно можно многого достичь.

Ольга стала внимательнее приглядываться к Илье. Старалась чаще бывать там, где бывал он, разговаривала с ним на переменах, садилась поближе в аудитории. И в конце концов поняла, что влюбилась.

Существует теория, что большинство людей всю жизнь предпочитают один и тот же тип мужчин или женщин. Ольга Назарова явно была исключением из этого правила. Был ли Илья похож на Мишу? Нисколечко. Они даже противоположностями не являлись. Просто разные люди, каждый интересен по-своему. У Мишки внешность была яркая, привлекающая внимание, он относился к тому типу мужчин, которые нравятся женщинам. Илью бы никому и в голову не пришло назвать красавцем – просто приятный, симпатичный молодой человек, но никак не более. Мишка хоть и был весьма неглуп в житейском плане, но едва смог окончить восьмилетку – Илья же уже с первых курсов показал, что метит на красный диплом. Мишка привлекал Олю своей мужественностью, жесткостью, силой. Сейчас это назвали бы брутальностью – хотя, по сути, современные брутальные мачо зачастую по сути своей совсем не сильны и не мужественны, все это в них лишь внешнее, напускное, искусственное. Им и их восторженным подружкам как-то не приходит в голову, что мужчину делают мужчиной не трехдневная щетина и искусственно наращенные мускулы, а его отношение к себе, к жизни и к людям.

Илья тоже был по-своему сильной личностью, но его сила заключалась в другом – в интеллекте, целеустремленности, организованности. Еще мальчишкой он твердо наметил для себя план будущей жизни и старался неотступно ему следовать. И путь, который он для себя наметил, был далеко не самым простым.

Илья Рябов вырос в бараке на окраине подмосковного города Серпухова. Свою маму он видел только на фотографиях, сведений об отце не имел и вовсе. Только знал по рассказам бабушки и сестры, что мама работала на текстильной

фабрике, в восемнадцать лет вышла замуж и родила дочь Зою. В июле сорок первого отца Зою призвали в армию, а в августе семья получила похоронку. Мама осталась вдовой, но в первое лето после войны неожиданно снова забеременела. От кого? Этому никто не знал. Впрочем, тогда подобное происходило сплошь и рядом и никого особо не удивляло. Кончилась война, солдаты возвращались домой, где их встречали женщины, соскучившиеся по мужскому вниманию. Счастья хотелось всем. Вот только ни у матери Ильи, ни у всей их семьи никакого счастья не получилось. Мать умерла в родах, а крошечный Илья и его двенадцатилетняя сестра остались на попечении старой, больной бабушки. Однако и та протянула недолго.

Жилось брату и сестре, конечно, очень тяжело, едва сводили концы с концами. Первая в жизни новая вещь – ботинки – у Ильи появилась только в пятом классе. До этого он донашивал одежду и обувь, из которых выросли, но не успели сносить соседские ребята, – худую, зашитую, заштопанную. Питались скудно, в основном хлебом, картошкой и капустой. «Мясной» (то есть из костей) суп ели лишь изредка, конфеты, даже самые дешевые, пробовали только по праздникам. Но Илью это не смущало, он видел, что так живут все вокруг. В том, что касалось материальной стороны жизни, он и не стремился выделиться из общей массы. Но вот в учебе он всегда старался быть первым.

Лет в пять Илья выучился читать, причем совершенно самостоятельно. Сначала запомнил буквы – по газетам, по вывескам магазинов и керосиновой лавки, потом стал разбирать простые слова. Уже в младших классах было заметно, что он значительно способнее большинства сверстников, схватывает на лету все то, что остальным приходится повторять по многу раз.

В доме культуры неподалеку от их барака была неплохая библиотека, и Илья Рябов сделался в ней завсегдатаем. Сначала читал все подряд, без разбору, но как-то раз ему попала книга, перевернувшая всю его жизнь, – «Занимательная химия». С тех пор он буквально заболел этой темой – веществами, реакциями, опытами... Конечно, как любой мальчишка, он жаждал все проверить сам, но, к счастью, был достаточно осторожен и ни от одного своего опыта не пострадал.

В седьмом классе сбылась заветная мечта Ильи – его приняли в кружок юных химиков. Дом пионеров находился на другом конце города, денег на транспорт не было, но Илью это не останавливало. В самый сильный мороз, в проливной дождь он пешком ходил на занятия и обратно, топя по лужам и грязи ботинками, которые «просили каши» и готовы были развалиться при следующем

шаге. Но ради занятий химией он был готов и не на такие жертвы.

Руководитель кружка стал его кумиром, в разговорах с ним Илья был рад проводить все двадцать четыре часа в сутки. Он жадно, как губка, впитывал всю новую информацию и уже в средней школе с увлечением читал научную литературу, которую приносил ему руководитель кружка. Однажды, рассказывая мальчику о каком-то открытии, тот случайно обмолвился, что результаты зарубежного исследования опубликованы, но еще не переведены на русский язык. И у Ильи появился стимул учить языки – он начал самостоятельно с английского, а немецкий с большим усердием принялся изучать в школе.

В своем классе, да, пожалуй, и во всей округе Илья Рябов считался белой вороной. Все типичные для мальчишек увлечения обошли его стороной – они его не привлекали. Практически все время Ильи уходило на занятия химией. Не все школьные предметы нравились ему одинаково, но он понимал, что для поступления в МГУ нужен хороший аттестат, старался изо всех сил. И в конце концов добился своего.

Когда Оля Назарова узнала историю его жизни, то поразились тому, насколько они с Ильей похожи. Детство и юность у них прошли почти одинаково, вот только мотивация была разная. Оля занималась учебой и музыкой, чтобы угодить родителям, а Илья – учебой и химией, чтобы достичь собственной цели.

Долгое время они были просто друзьями. Оля даже сама себе не признавалась, что влюблена, – и уж тем более скрывала это от окружающих. О ее чувстве к Илье не знали ни родители, ни сокурсники. Одна только подруга детства Мария, опытная в сердечных делах, догадалась, в чем дело, и иногда намекала на это Ольге, но та сначала воспринимала ее слова в штыки. Нет, ничего подобного, ни о какой любви нет и речи! Она просто уважает Илью как человека, как интеллектуала и как товарища. Но ничего больше. Ты слышала, Мария? Ничего больше!

Отношения между Ильей и Олей долго оставались приятельскими. И со временем Ольгу это перестало устраивать. Она стала уже более откровенна с подругой в разговорах, просила совета. Как добиться того, чтоб Илья обратил на нее внимание? Такое чувство, что он вообще не смотрит на девушек, они его не интересуют, а интересуется только химия...

Конечно же, Мария не отказала в помощи, подсказывала, советовала, учила подружку разным девчачьим хитростям. И ее уроки оказались не напрасны. Настал момент, когда Илья все-таки признался Ольге в любви. Это случилось весной, на четвертом курсе, за год до выпуска. Впервые за время учебы молодые люди забыли о занятиях и всю светлую майскую ночь прогуляли на Ленинских горах и по набережной Москвы-реки. А утром, едва открылось метро, поехали к Оле домой – знакомиться с ее родителями.

Вышло так, что до этого дня Илья еще ни разу не был дома у Назаровых. Как, впрочем, и большинство сокурсников. Еще во время вступительных экзаменов Оля решила, что не будет никому в университете рассказывать, кто ее отец и какой пост он занимает. Она мало говорила о своей семье, скромно одевалась не только на занятия, но и на вечеринки и в основном молчала, когда ребята дружно обсуждали, у кого можно собраться дома, чтобы вместе позаниматься или порепетировать сценку для капустника. И ей казалось, что это правильно. Народ на их курсе собрался самый разный, были и дети обеспеченных родителей, кичившиеся своим положением, были и дети скромных семей, поэтому «золотую молодежь», как правило, недолюбливали. И Ольге очень не хотелось попасть в их число.

Мария иногда намекала Оле, что хотя бы Илье стоит открыться. Нет смысла изображать перед ним «барышню-крестьянку» – вдруг парню это не понравится? Оля только отмахивалась. Но в то раннее утро, когда они, сияющие от счастья, ехали, держась за руки, в почти пустом вагоне первого поезда метро, Ольга вдруг испугалась. А что, если Илья и впрямь не захочет с ней дальше общаться – она генеральская дочка, вдруг решит, что они не пара?

И тревоги Оли оказались не напрасны. Попав в квартиру на улице Горького, Илья чуть не потерял дар речи. Ему понадобилось немало времени, чтобы прийти в себя и не показать виду родителям Ольги Татьяне Сергеевне и Степану Егоровичу, которые с утра уже были на ногах, что он смущен и шокирован.

Обоим Назаровым Илья сразу понравился. Они приняли его растерянность и смущение за скромность. От них также не могло укрыться и то, что молодой человек умен и неплохо воспитан и, самое главное, ему нравится Оля. Это сразу бросалось в глаза. Илье, впрочем, тоже понравились Олины родители. Позже он признался ей, что никогда не думал, что люди, занимающие столь высокое положение, могут быть такими доброжелательными, приветливыми, простыми и открытыми. Но даже несмотря на это, позвать Олю замуж Илья не решался

долго. Оба уже успели получить дипломы, поступить в аспирантуру и отучиться в ней первый год, а предложения о замужестве Ольга так и не получала. Наконец, набравшись смелости и послушав советов Марии, она сама заговорила с Ильей на эту тему и узнала, что все это время он мучился сомнениями. Он признался, что больше всего на свете хотел бы быть с Олей, ради нее он мог бы отказаться ото всего на свете, даже от науки...

- Неужели даже от науки? - не выдержав, перебила она.

- Да, - кивнул он. - Я думал об этом. Это была бы для меня огромная жертва. Возможно, после такого шага моя жизнь вообще потеряла бы всякий смысл. Но ради тебя я бы пошел и на него.

- И все же?.. - подсказала Оля.

И все же Илья больше всего на свете боялся, что родные и знакомые его невесты увидят в нем пройдоху, охотника за приданым, женившегося ради большой квартиры, государственной дачи, машины с персональным водителем, денег и прочих привилегий, связанных с положением Назарова.

Оля всеми силами пыталась его убедить, что все совсем не так, что никому и в голову не придет думать о нем что-то подобное, но Илья стоял на своем. Не желает он быть примаком в богатой семье - и все. Дело дошло до того, что он предложил Оле все бросить и уехать из Москвы, чтобы начать жизнь с нуля, с чистого листа. Специалисты в их области нужны везде, в любом городе. Надо только выбрать место и рвануть туда. В новом городе, пусть даже и не таком большом, как Москва, и работа найдется, и жилье дадут... И Оля почти согласилась, но напоследок упростила Илью поговорить с отцом.

Степан Егорович внимательно выслушал дочь и одобрительно кивнул.

- Что ж... А он молодец, твой Илья. Мужик! Уважаю. Ладно, приведи его как-нибудь, когда я буду дома. Потолкую с ним...

И слово свое сдержал, на следующий же день после ужина увел Илью в свой кабинет.

О чем именно они разговаривали, Оля так никогда и не узнала. Подслушивать она, разумеется, не стала, хотя, что греха таить, искушение было велико. Но она сдержалась, дождалась, когда дверь кабинета откроется и выйдут отец с Ильей. С тревогой она взглянула на Илью – и увидела, что он улыбается, как человек, у которого только что свалился с души огромный камень.

– Леля, я признаю, что был не прав, – проговорил он. – Степан Егорович убедил меня... – и вдруг, без всякого перехода, спросил: – А когда ты хотела бы расписаться?

Свадьбу сыграли в начале октября, в чудесный по-летнему теплый день золотой осени. Все было скромно, но зато очень весело. Эта свадьба запомнилась надолго – не только молодоженам, но и их друзьям. На Оле был строгий светлый костюм и белый цветок в волосах – никакой фаты, никаких пышных причесок, Илья и вовсе оделся так, как обычно одевался на научные симпозиумы и конференции, только галстук повязал более нарядный. Вечером праздновали дома, в узком кругу, с родителями, сестрой Ильи Зоей и свидетелями – Марией и Олегом, лучшим другом Ильи. А на следующий день, уже большой молодежной компанией, чуть ли не со всеми сокурсниками, прямо с раннего утра укатили за город, в Ромашково – на шашлыки.

После свадьбы молодожены обосновались в генеральской квартире. Зажили вчетвером, спокойно и дружно. Илья с Олей учились в аспирантуре и вместе занимались наукой. А через некоторое время стало известно, что Оля беременна. Старшие Назаровы, конечно, обрадовались этой новости. Илья тоже. И только Оля немного озадачилась. Слишком быстро, она так не планировала, хотела сначала закончить аспирантуру, защитить диссертацию, устроиться на работу – и лишь потом думать о детях. Но родители дружно уверили ее, что беспокоиться не о чем. Бабушка с ребенком посидит, да и домработница в семье есть, все та же верная Катерина. Если надо будет, еще и няню наймут. Так что не думай ни о чем, рожай на здоровье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/oleg-roy/chelovek-za-shkafom>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)